

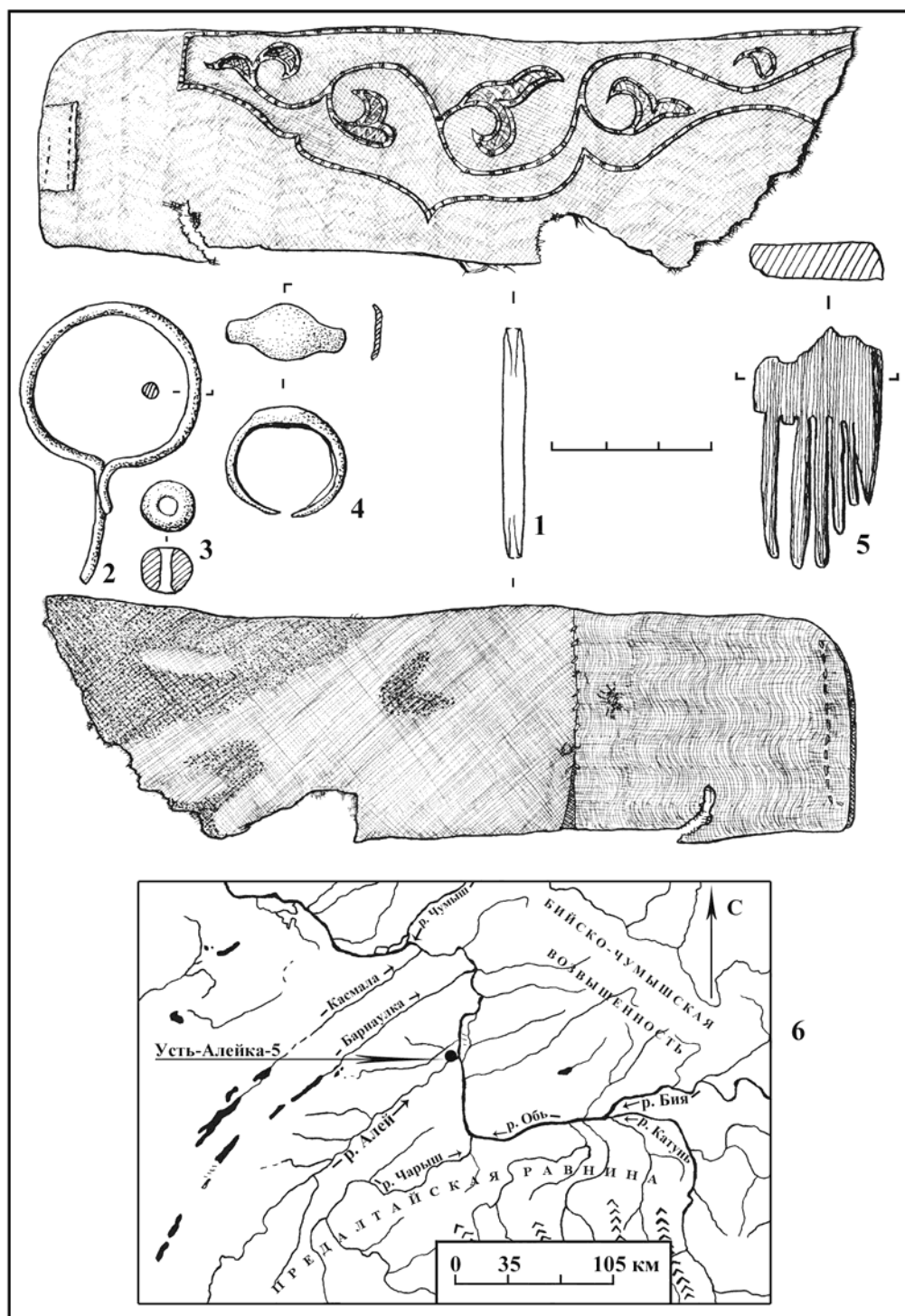

Рис. 84. Усть-Алейка-5. Материалы из разрушенного погребения: 1 – ткань (вид с двух сторон); 2 – бронзовая серьга; 3 – бусина; 4 – бронзовый перстень; 5 – фрагмент деревянного гребня; 6 – местонахождение памятника (карта-схема)

Из перечисленных выше предметов наибольшее внимание, конечно же, привлекает предмет, который, вероятно, был частью и украшением головного убора (рис. 85). Изделие изготовлено из скрепленных металлических листов, оформленных чеканкой искусным мастером. В Лаборатории минералогии и геохимии Томского государственного университета получены результаты полуколичественного спектрального анализа пробы от этой вещи: Cu – >>1; Ag – >>1; As – 0,3; Au – 0,2; Bi – 0,1; Pb – 0,05; Si – 0,05; Sb – 0,05; Ca – 0,03; Fe – 0,01;

Ti – 0,01; Na – 0,01; Mg – 0,01; Ni – 0,005; Al – 0,005; Zn – 0,003; Co – 0,003; Sn – 0,003; V – 0,003; Mn – 0,002; Tl – 0,001; Cr – 0,001; Ge – 0,0003; In – 0,0002 (в весовых процентах, исполнитель Е.Д. Агапова). Эти данные свидетельствуют о сложном сплаве, основу которого составляют медь и серебро при значительном содержании мышьяка и золота.

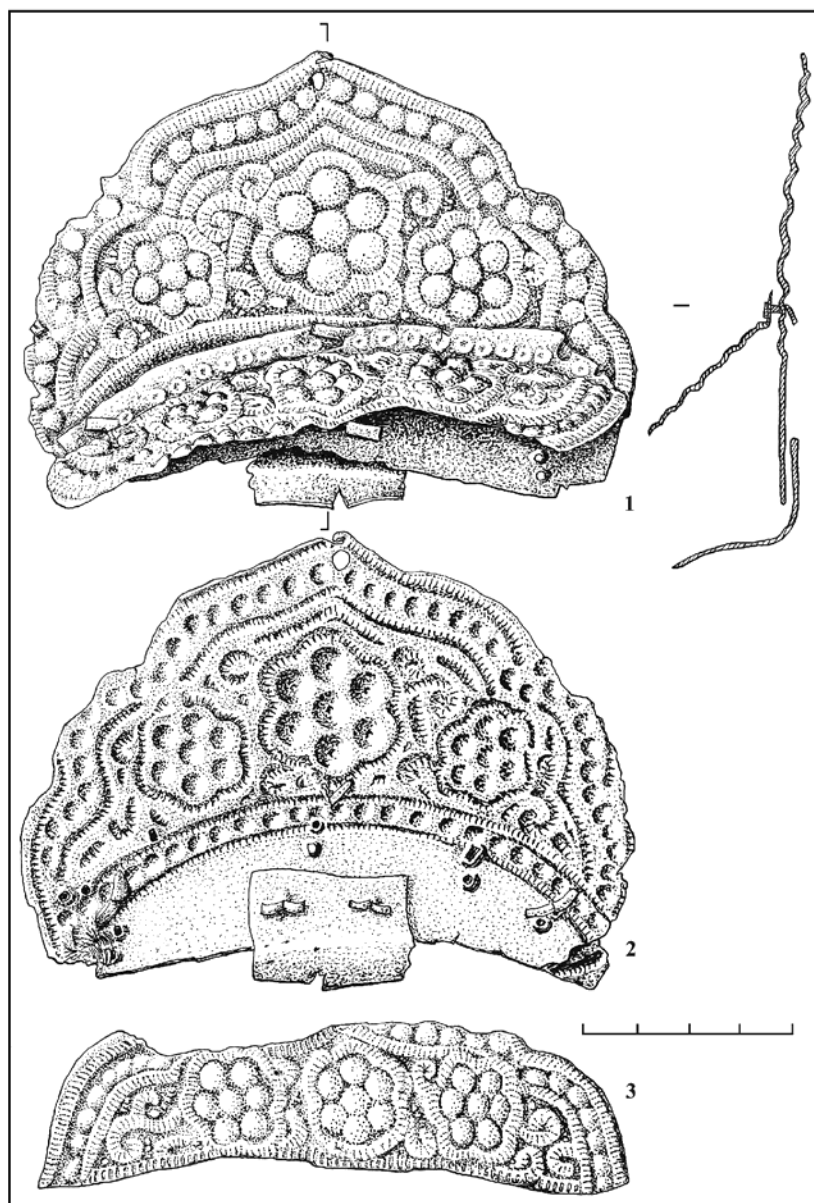

Рис. 85. Усть-Алейка-5. Металлическое изделие:
1 – вид спереди, разрез; 2 – вид сзади; 3 – «kozyрек»

аналогичным образом, как и сам «венчик». Кроме этого, имеется еще одна маленькая неорнаментированная пластинка, удерживаемая двумя фиксаторами (рис. 85.-1–2). Сквозные отверстия на основной пластине служили для пришивания всего изделия к основе головного убора. Некоторые края у рассматриваемой вещи обломаны.

Ближайшей аналогией этому предмету из Усть-Алейки-5 является находка, обнаруженная в могиле-17 «часовенногорского типа» памятника Кудыргэ в Горном Алтае (Гаврилова А.А., 1965, с. 44, 47–48, табл. XXVI.-1). Украшение также связано с женским погребением. Более подробная информация о результатах исследования этого памятника представлена в третьей главе монографии. Там же имеются дополнительные сведения о металлическом «венчике».

В настоящее время изделие, находящееся в экспозиции музея (фото 27 на цветной вклейке), сильно покрыт медным окислом и с внешней стороны орнамент очень плохо различим. Однако в некоторых местах виден металл беловато-желтого цвета, свидетельствующий о наличии в нем благородных компонентов. Для более тщательного изучения и должного музейного экспонирования этого своеобразного изделия обязательно необходима очистка корродированной поверхности, а затем реставрация и консервация. С внутренней стороны у рассматриваемой вещи медного окисла значительно меньше и поэтому хорошо просматриваются многие детали оформления всех составляющих частей предмета (рис. 85.-2; см. фото 22 на вклейке). С одной стороны к металлу «прикипели» остатки ткани, возможно, как раз от несохранившегося головного убора. К основной металлической пластине в трех местах прикреплен дополнительный «kozyрек» (рис. 85.-3; фото 23 на цветной вклейке), оформленный

Оба указанных изделия сближает не только характер использования, но и близкий контур, а также орнаментальное оформление. Изделие из могилы №17 памятника Кудыргэ сохранилось не полностью, но общая форма вещи в виде «венца» (короны) устанавливается и обнаруживает близость с усть-алейской находкой. А.А. Гаврилова (1965) указала, что изделие из Горного Алтая изготовлено тиснением. Что касается усть-алейской находки, то здесь мы склонны считать, что нанесение орнамента осуществлялось несколько иной техникой. В связи с данным предположением рассмотрим такие приемы ювелирного дела, как тиснение и ручная чеканка.

Техника тиснения действительно широко использовалась мастерами в монгольское время. Однако это касалось в основном изготовления тонких нашивных блях, штампованных, как правило, для украшения одежды и некоторых других вещей (см. например: Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 48, 51). Фрагменты таких изделий нами уже обнаруживались в Алтайском Приобье на курганном могильнике Телеутский Взвоз-I, датированном серединой XIII – началом XIV в. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002, рис. 30.-9–11). Поэтому рассмотрим данную технологическую операцию подробнее. Тиснение – это техника художественной обработки кожи, листового металла и т.д. вдавливанием на их поверхности рельефных изображений узора (Апполон. ..., 1997, с. 607). При тиснении тонкую пластинку металла накладывали на подушку из вара, смолы или свинца, укрепленную на специальной мягкой наковальне. Ударяя деревянным молотком по штампу, наставленному на пластинку, получали четкий рельефный оттиск на металле. При тиснении более сложных изделий лист металла закладывался между матрицей с выпуклым рисунком и подушкой, по которой наносились удары. Многообразие имеющихся бляшек должно свидетельствовать о самых разнообразных штампах (см. подробнее: Рындина Н.В., 1963, с. 222–223, 262). Таким образом, при использовании техники тиснения необходимы были матрицы, которые позволяли получать массовую продукцию, очень экономно расходуя материал (Полякова Г.Ф., 1996, с. 165–166).

В случае с усть-алейской находкой, судя по технике нанесения орнамента, на наш взгляд, использовалась чеканка, т.е. получение рельефных изображений на тонких металлических листах путем ручной выколотки. Это подтверждается еще и тем, что заполнение пространства взятой пластины после нанесения основных элементов далее происходило различными путями, в чем уже нашла отражение фантазия мастера-чеканщика. Однако не стоит исключать и вариант комбинирования технологических операций, когда часть элементов делалась тиснением, а затем дальнейшее оформление осуществлялось чеканкой. Поэтому следует указать, что в данном случае мы излагаем предварительные наблюдения, так как это изделие должно полностью исследоваться в рамках определенной программы изучения ювелирного ремесла эпохи средневековья (Енисова Н.В., Сарачева Т.Г., 1997).

В ходе анализа металлического изделия из Усть-Алейки-5 остановимся еще на некоторых аспектах. Так, основным элементом орнамента рассматриваемого «венчика» является «шестилепестковый цветок». В центре большой пластины он крупнее, чем по краям и на «козырьке». Кроме того, изделие имеет окантовку по контуру орнаментированных частей, повторяющую общую форму каждого листа с наличием дополнительного набора разных элементов. Следует еще отметить присутствие характерного для искусства кочевников развитого средневековья (и более позднего времени) мотива в виде «закрученных бараньих рогов» (Максимова А.Г., 1965, с. 91). Некоторую схожесть имеющегося орнаментального оформления мы находим и на изделиях из Кудыргэ (см. фото 44 на цветной вклейке). А.А. Гаврилова (1965, с. 47–48) так описывает узор на металлическом украшении головного убора: «...по

краю пластинки – тисненый ряд перлов между двумя тисненными же рядами, имитирующими зернь. В центре – цветок в виде лотоса, у сохранившегося края – шестилепестковый цветок». Последний элемент присутствует и на другом изделии из Кудыргэ – на серебряной пластине, которой была обтянута березовая палочка (Гаврилова А.А., табл. XXVI.-3а-б). Необходимо указать, что такой орнаментальный элемент, как многолепестковая розетка, является частым отражением одного из характерных вариантов растительного декора золотоордынского времени и встречается на самых разных изделиях: на поливных и металлических сосудах (Полякова Г.Ф., 1996, с. 166), бляхах для украшения одежды и/или уздечных ремней (Максимова А.Г., 1965, табл. I.-1; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 46.-3, рис. 51.-5), накладках луки седла (Гаврилова А.А., 1965, с. 48; Могильников В.А., 1981, с. 197), зеркалах (Мерц В.К., Тишкин А.А., 2000) и т.д.

Традиция использования пластин и блях, сделанных из цветных металлов для оформления костюма кочевников, была распространена в развитом средневековье (Максимова А.Г., 1965; Федоров-Давыдов Г.А., 1966; Хамзина Е.А., 1970; Могильников В.А., 1981; Полякова Г.Ф., 1996; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.). Данный факт в комплексе с другими показателями можно рассматривать как отражение определенного социального статуса погребенных людей. На это обратила внимание А.А. Гаврилова (1965, с. 45), указав на особое расположение «богатой» могилы №17 на памятнике Кудыргэ в Горном Алтае. По поводу женских головных уборов монгольского времени есть уже серия работ, где приводятся не только письменные и графические свидетельства, но и даются возможные реконструкции внешнего вида таких изделий по найденным в археологических памятниках предметам (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 36–37; Арсланова Ф.Х., 1968; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 132–133; и др.). Подобная перспектива имеется и на Алтае в связи с находками на курганном могильнике Телеутский Взвоз-I необходимых материалов (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002), о чем уже было сказано выше. Стоит иметь в виду, что рассмотренные металлические украшения из Усть-Алейки-5 и Кудыргэ были связаны только с женскими головными уборами. Это подтверждается и другими находками, о которых речь пойдет в следующей главе. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что, кроме «бокки», в монгольское время существовали и другие типы женских головных уборов, украшавшиеся металлическими изделиями, в том числе «венчиками». Более ранние аналогии проявления данной традиции можно найти в памятниках Алтая хуннуского времени, где в женских захоронениях найдены золотые рифленые пластины и бляхи, украшавшие головные уборы. Имеются и более поздние параллели «венчикам» монгольского времени (Тишкин А.А., 2007в).

Что касается остальных предметов, обнаруженных на памятнике Усть-Алейка-5, то они имеют широкий круг аналогий изделиям монгольского времени, обнаруженным при исследованиях археологических объектов Восточной Европы, Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Монголии (Гаврилова А.А., 1965, табл. XXXI.-79; Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис. 6; Арсланова Ф.Х., 1968, см. рис.; Могильников В.А., 1981, с. 199–200, рис. 72, 73; Полякова Г.Ф., 1996, с. 171–172, 176–179; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 126–128, рис. 39.-2, рис. 47.-5, 55.-11; Anke B., Moskalev M.I., Soltobaev O.A., Tabaldiev K.Š., 1997, abb. 6.-14; и мн. др.).

Следует специально остановиться на обнаруженных в могиле Усть-Алейки-5 фрагментах тканей. Аналогии таким вещам можно привести уже достаточное число. На разном исследовательском уровне проводились анализы некоторых тканей и изделий из них (Маргулан А.Х., 1959, с. 251, 257–258; Максимова А.Г., 1965, табл. IV.-7; Гаврилова А.А., 1965, с. 45, 48–49, 73, табл. XXVIII; Викторова Л.Л., 1980, с. 30–48; Могильников В.А., 1981, с. 194–195,

197; Табалдиев К.Ш., 1996, с. 132; Глушкова Т.Н., 2001; Доде З.В., 2001; Власкин М.В. и др., 2006; и др.), но, конечно, нужна отдельная серьезная работа по накопленному значительному массиву данных по периоду развитого средневековья. В этом плане важно указать на публикацию материалов, полученных в 1959 г. Монгольской археологической экспедицией АН СССР под руководством С.В. Киселева на р. Онон в Читинской области. Тогда при раскопках погребения был обнаружен богатый погребальный инвентарь, среди которого находился полный набор одежды (Баяр Д., 2000).

Таким образом, представленные находки из памятника Усть-Алейка-5 и их анализ дают возможность дополнить конкретными данными сведения об одном из интересных периодов эпохи развитого средневековья.

УСТЬ-АЛЕЙКА-КЛУБ. Памятник обнаружен в с. Усть-Алейка Калманского района Алтайского края в начале 1980-х гг. (рис. 86). Исследования сначала проводил В.Б. Бородаев (1987), а затем продолжил А.Л. Кунгуров (1988; 1991), результаты работ которого отражены в научном отчете и в статье.

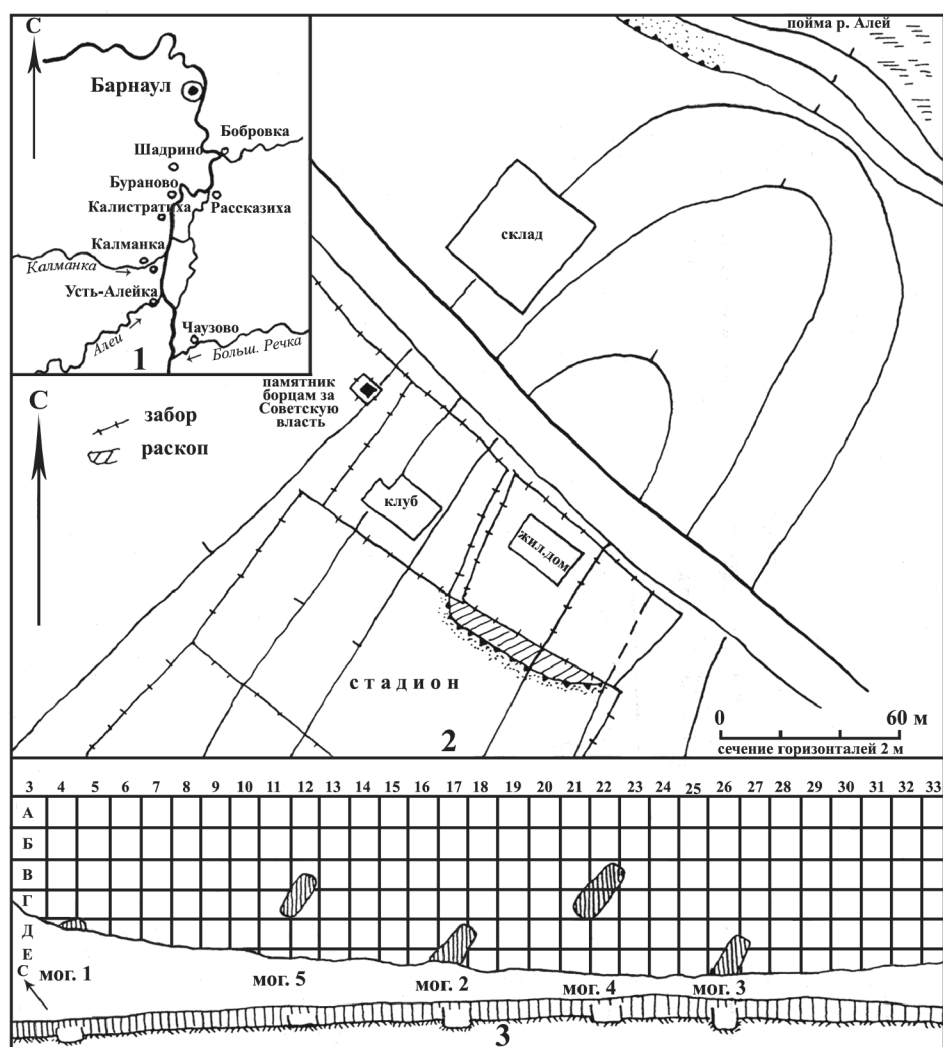

Рис. 86. Усть-Алейка-Клуб. Схема (1) и место расположения памятника в с. Усть-Алейка (2). План раскопа (3) (по: Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1.-1-3)

Благодаря тому, что А.Л. Кунгуров передал автору монографии исходную полевую документацию и материалы отчета, известные ранее сведения будут немного дополнены или уточнены. Стоит отметить, что отдельные находки, обнаруженные на памятни-

ке Усть-Алейка-Клуб, использовались, например, при демонстрации предметов, которые входили в состав конского снаряжения (Ефремов С.А, 1998б; см. фото на обложке учебно-методического пособия: Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004). Кроме этого, найденные наконечники стрел демонстрировались при изучении средневекового оружия (Горбунов В.В., 2006, с. 139, рис. 35).

В 2004 г. археологические исследования в с. Усть-Алейка были продолжены (Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005; Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Грушин С.П., 2005). Под руководством А.Л. Кунгурова вскрыта небольшая площадь памятника, а также осуществлялась зачистка на территории подготовленной стройплощадки.

Основываясь на материалах научных отчетов (Кунгуров А.Л., 1988; 2006) и публикациях (Бородаев В.Б., 1987; Кунгуров А.Л., 1991; Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005; Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2007; и др.), представим описания исследованных захоронений монгольского времени на памятнике Усть-Алейка-Клуб.

Археологический комплекс расположен в центральной части указанного села (рис. 86 и 90), которое полностью занимает супесчаный мыс длиной около 2 км, шириной 500–700 м и высотой до 10 м. Мыс образован левым бортом долины Алея в его устьевой зоне и левым отрезком поймы Оби. Памятник поперек пересекает ул. Партизанская.

Могила-1 (рис. 86) оказалась полностью скрыта в ходе строительных работ. Уцелели только кости стоп. Ни устройства могилы, ни точного положения скелета установить оказалось невозможно. Предполагаемая ориентация погребенного – головой на юго-запад. Глубина могильной ямы 0,8–0,85 м от современной поверхности (Кунгуров А.Л., 1991, с. 161).

Могила-2 (рис. 86, 87.-1–8; 88.-12) была частично разрушена краеведами, но сохранившаяся часть позволила ее реконструировать. Могильная яма оказалась слегка заужена в восточной части и имела длину 2,5–3 м (?), ширину 0,8 м и глубину 0,7 м. С помощью горбылей, досок и бересты в ней была устроена достаточно сложная внутримогильная конструкция. Последовательность ее сооружения следующая (рис. 87.-1–2). На дно растилась лист бересты, края которого затем подгибались вниз. Затем вдоль длинных стенок могилы устанавливались горбыли. Внутри получившейся рамы укладывался новый лист бересты, но обратной стороной вверх. На эту бересту укладывался умерший человек. Он лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Потом рама с погребенным внутри перекрывалась пятью досками, опиравшимися на небольшие уступы в торцовых концах ямы. Сверху конструкция перекрывалась крышкой из поперечных досок, обернутых в листы бересты с захлестом сверху (рис. 87.-2). После этого могила засыпалась.

Как уже было сказано, сохранилась только часть погребения. Зафиксированы кости ног ниже колен и положенный рядом инвентарь (рис. 87.-1). Вероятнее всего, там находилось седло, от которого сохранились деревянные части (рис. 87.-5), большей частью истлевшие. В некоторых фрагментах отмечены окислившиеся гвозди или штыри. Ближе к стенке лежала роговая подпружная пряжка (рис. 88.-12; см. фото 25 на цветной вклейке), на костях правой стопы обнаружены железные кольчатые удила (рис. 87.-4). Вдоль левой ноги располагался хлыст длиной 0,7 м с костяным набалдашником (рис. 87.-1, 3; см. фото 25 на цветной вклейке). Из перечисленных находок все предметы относятся к конскому снаряжению.

При разборке перекопа краеведов найдено большое количество кусочков ржавого железа, видимо, от наконечников стрел, так как там же найдены два черенка от таких изделий (рис. 87.-7–8). Единственным уцелевшим предметом из разрушенной части могилы стал костяной наконечник стрелы (рис. 87.-6) (Кунгуров А.Л., 1991, с. 161–162, рис. 2).

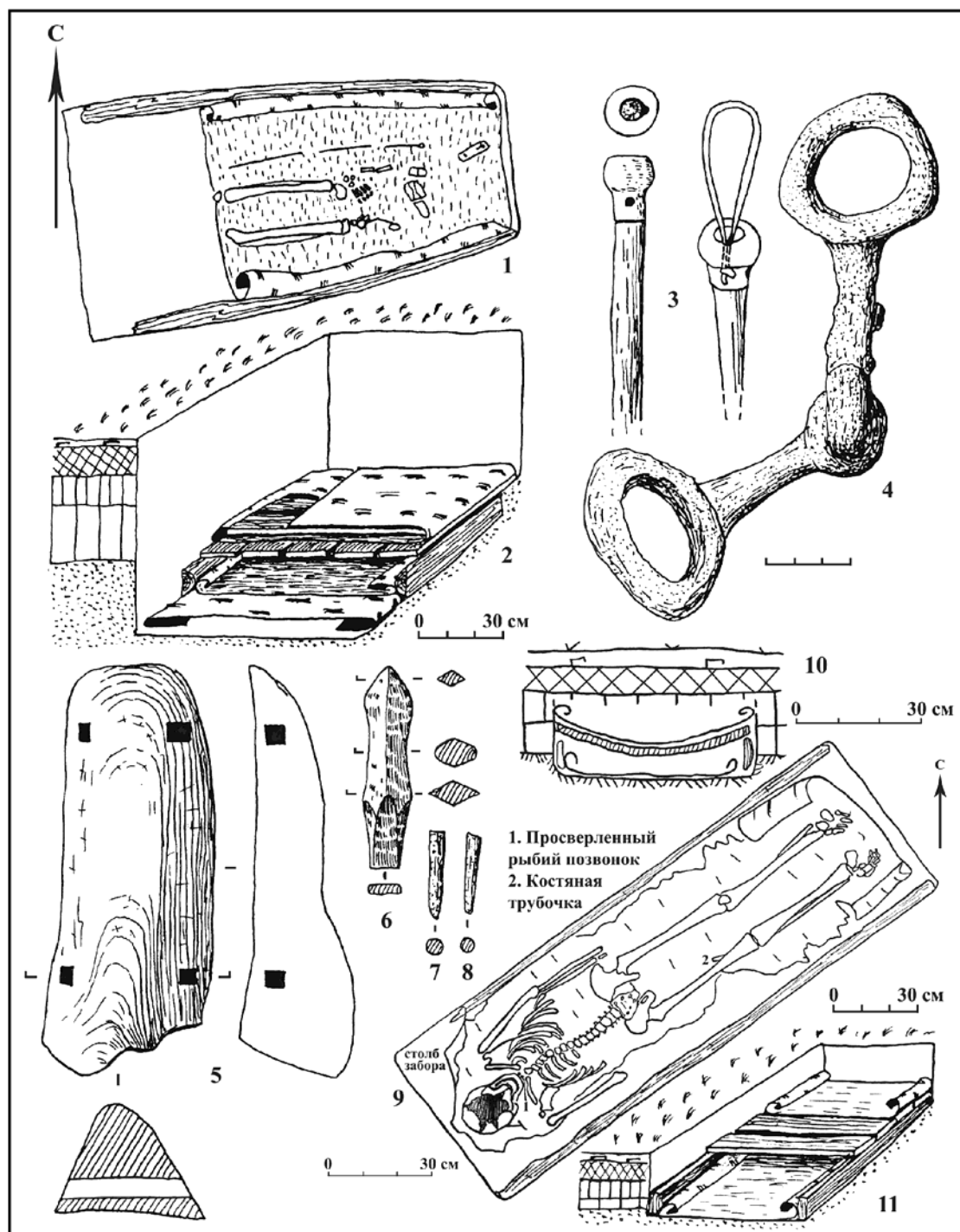

Рис. 87. Усть-Алейка-Клуб. Могила-2 (1-8) и 5 (9-11): 1-2 – план и реконструкция могилы-2; 3-8 – находки из могилы-2; 9-11 – план, разрез и реконструкция могилы-5 (частично по: Кунгуров А.Л., 1991, рис. 2)

Могила-3 (рис. 86; 88.-1-10). В яме размерами 1,8-2х0,8-0,85 м, глубиной 1 м, ориентированной длинными стенками по линии ЮЗ-СВ, на берестяной подстилке был обнаружен скелет взрослого человека. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. Края берестяной подстилки загнулись вовнутрь могильной ямы и располагались поверх костей. У левой руки зафиксирован железный нож (рис. 88.-10), а около затылка – стеклянная бусина черно-коричневого цвета (рис. 88.-9). Сверху погребение было перекрыто листами бересты. На этом перекрытии в юго-западной части ямы лежали

следующие предметы: массивный железный клиновидный кельт-топор (рис. 88.-1), шесть плоских железных наконечников стрел (рис. 88.-2-7) и один костяной (рис. 88.-8) (Кунгуров А.Л., 1991, с. 162, рис. 1).

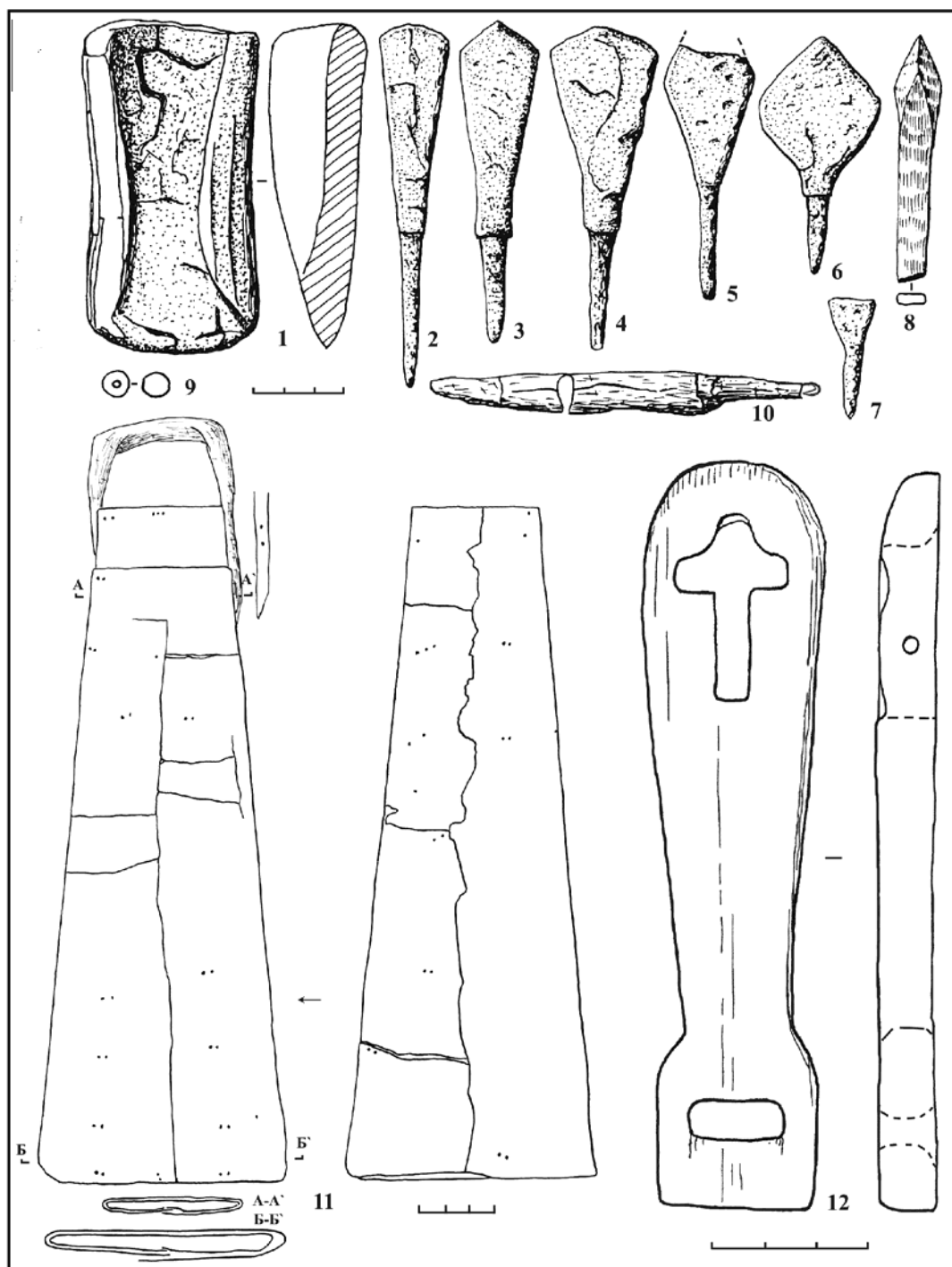

Рис. 88. Усть-Алейка-Клуб. Находки из могил-2 (12), 3 (1-10) и 4 (11). 1-7, 10 – железо; 8 – кость; 9 – стекло; 11 – береста; 12 – рог (частично по: Кунгуров А.Л., 1991, рис. 1-3)

Могила-4 (рис. 86; 88.-11; 89). В яме, ориентированной длинными стенками по линии ЮЗ-СВ, размерами 2,2x0,7 м и глубиной 1 м обнаружена конструкция из бересты и досок. Порядок ее сооружения следующий. На дно были постелены берестяные листы, края которых закрывали даже стенки на 0,4 м выше дна. На берестяную подстилку укладывался еще один слой бересты с краями, загнутыми вовнутрь. На него положили умершего человека

вытянуто на спину, головой на юго-запад (рис. 89.-1). Верхняя часть скелета (череп, ребра и т.п.) разрушена попавшим в могилу столбом ограды. В 0,2 м над дном устроено перекрытие из поперечных досок, упертых в продольные стенки. Получившийся потолок также перекрыли берестяным листом. С погребенным найдены следующие предметы (рис. 89.-1). Слева на поясе обнаружен железный нож (?) с длинной, хорошо отшлифованной деревянной рукоятю, покрашенной в серый цвет (рис. 89.-3). Справа находился берестяной колчан (рис. 88.-11) с набором стрел (10 шт.), лежавших наконечниками вверх в следующем порядке (рис. 89.-4): деревянный томар (рис. 89.-12), две стрелы с костяными наконечниками (рис. 89.-13-14), три стрелы с железными наконечниками (рис. 5-7), костяной наконечник (рис. 89.-8), деревянный томар (рис. 89.-9), снова костяной наконечник (рис. 89.-10) и, последний, деревянный томар (рис. 89.-11) (Кунгуров А.Л., 1991, с. 162-163).

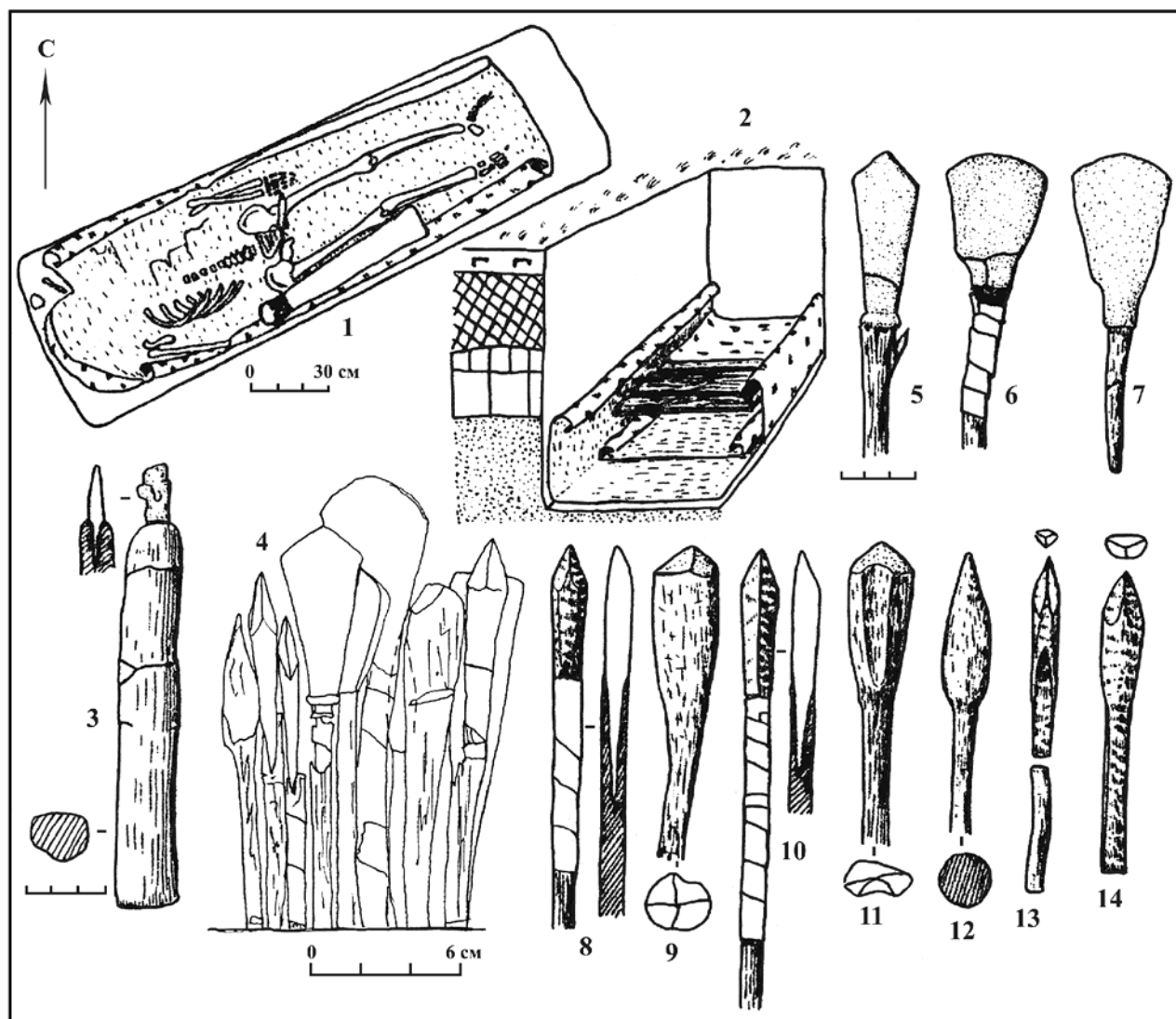

Рис. 89. Усть-Алейка-Клуб. Могила-4: 1 – план погребения; 2 – реконструкция внутримогильного устройства; 3 – железный нож (?) с деревянной рукоятю; 4 – расположение стрел в колчане; 5-7 – железные наконечники стрел; 8, 10, 13-14 – костяные наконечники стрел; 9, 11-12 – деревянные томары (частично по: Кунгуров А.Л., 1991, рис. 3)

Могила-5 (рис. 86; 87.-9-11). В яме, ориентированной длинными стенками по линии ЮЗ-СВ, размерами 1,7х0,6 м, глубиной 0,4 м оказалась устроена конструкция из досок, брусков и бересты. Она сооружалась в следующем порядке. Сначала на дно по краям были

поставлены два продольных бруска. Затем между ними положили листы бересты с концами, загнутыми вовнутрь. На такую подстилку положили умершего человека вытянуто на спину, головой на юго-запад. После этого на края брусков укладывались поперечные доски, которые перекрывались берестой.

В ходе раскопок оказалось, что череп был поврежден столбовой ямой (рис. 87.-11). В районе шейных позвонков был обнаружен просверленный рыбий позвонок. Под правой бедренной костью найдена костяная трубочка (см. фото 25 на вклейке), традиционно трактуемая как игольник (Кунгуров А.Л., 1991, с. 163).

В 2004 г. на оконечности мыса развернулось строительство перерабатывающего предприятия, при котором оказался разрушенным участок памятника (рис. 90).

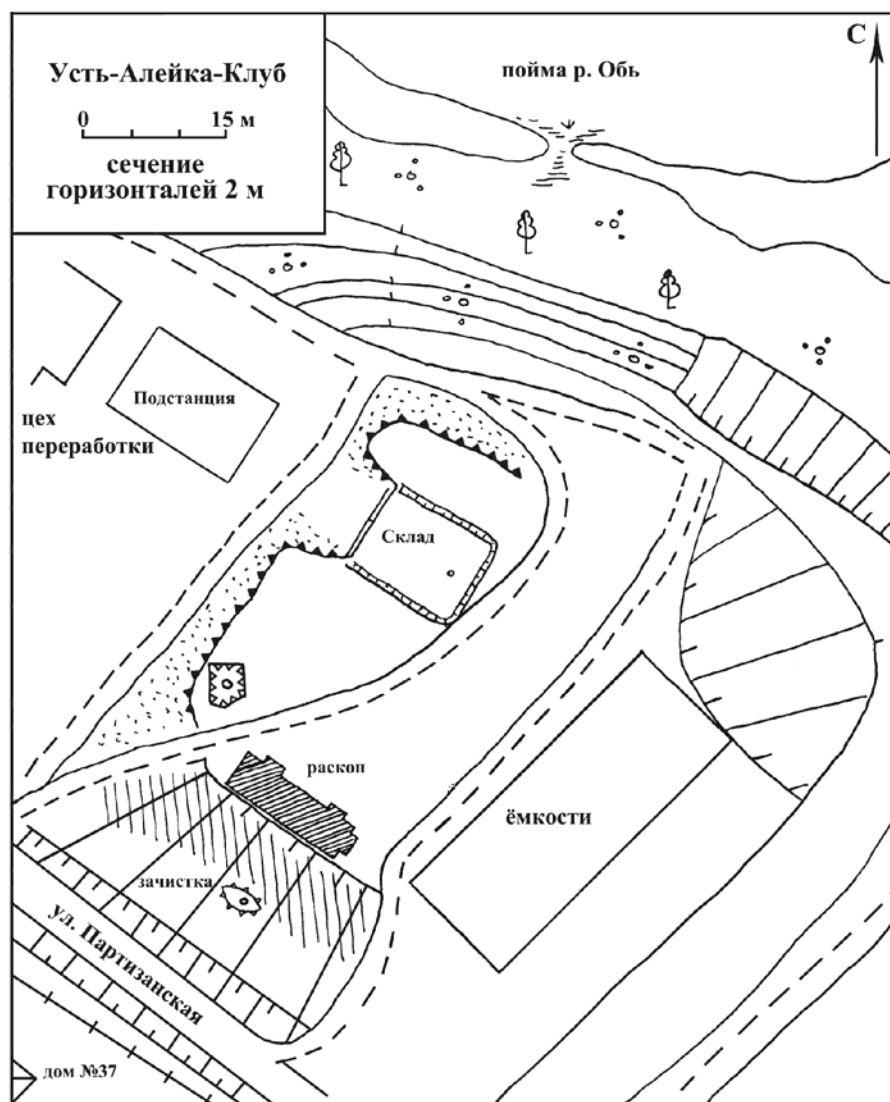

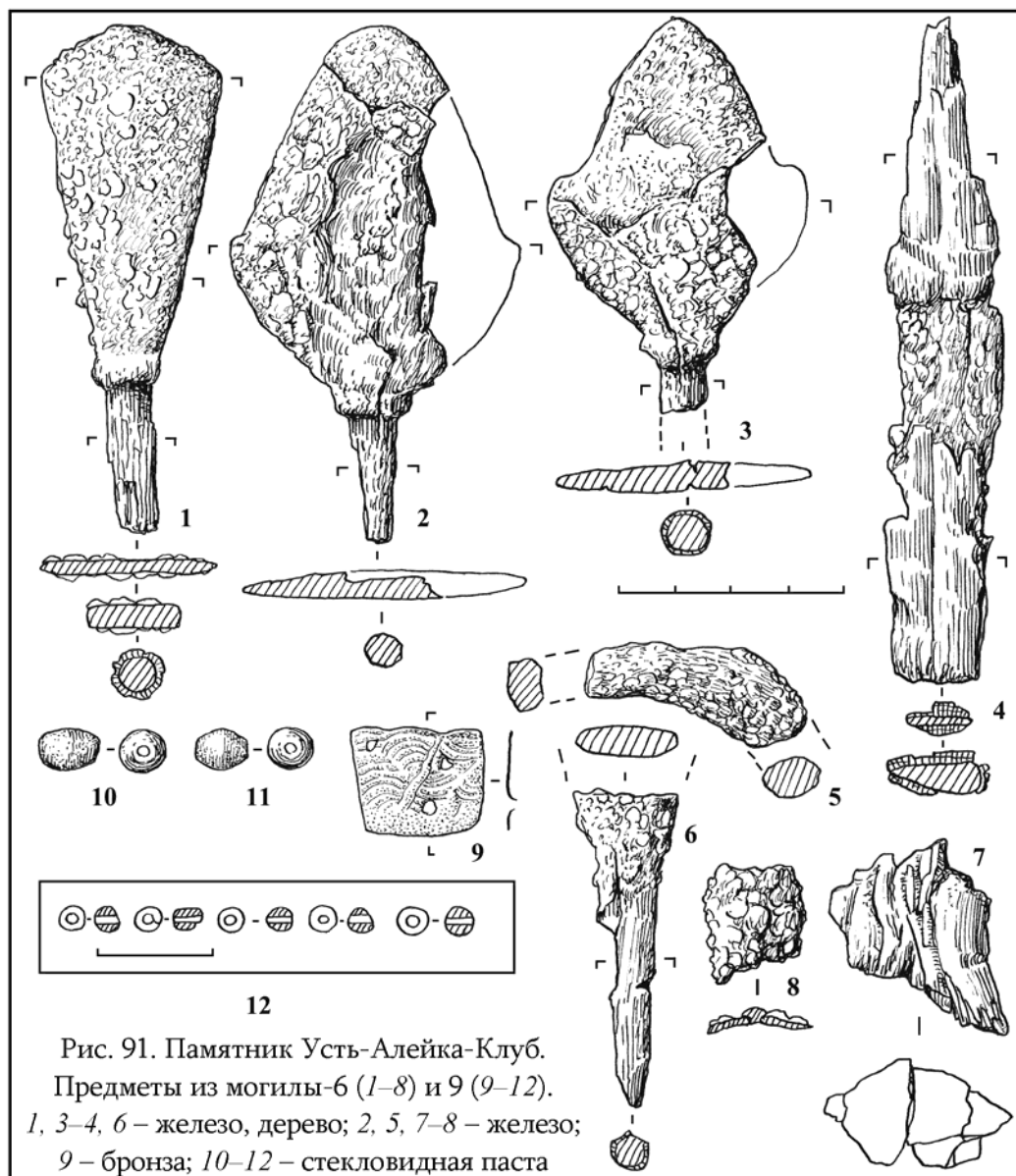
Рис. 90. Усть-Алейка-Клуб. Карта-схема и место расположения раскопа на строительной площадке в с. Усть-Алейка

Могила-6. На основе данных, полученных от С.В. Головина*, который докопал потревоженное бульдозером погребение, а также на наблюдениях, сделанных автором монографии непосредственно на месте находок, будут представлены обобщенные сведения. Очертание могильного пятна наблюдалось четко, и выборка производилась в пределах этого контура.

* Эта информация подробно изложена в первой главе.

Могила имела подпрямоугольную форму с закругленными углами, длину около 2,5 м и ширину почти 1 м, а ориентацию длинными стенками по линии ЮЗ–СВ. Она находилась между западным склоном мыса и водопроводной колонкой, в 14 м к северо-западу от столба №191 линии электропередач, в 15 м к северу от края асфальтированной дороги улицы Партизанской, в 44 м к юго-востоку от цеха переработки.

Погребальное сооружение состояло из ямы, на дне которой поперек лежали полотна бересты, а по их периметру располагалась рама прямоугольной формы из «тесаного дерева». Данная конструкция была простой: продольные горбыли немного выступали за поперечные доски и, вероятно, приставлялись друг к другу без особого крепления. Этот момент наиболее хорошо просматривался в западной части сооружения еще при зачистке поверхности участка. Внутри погребальной камеры находился скелет человека. Умершего положили вытянуто на спину, головой на юго-запад. Руки располагались вдоль туловища. Сверху погребенный был покрыт листьями бересты. Под ними на скелете почти сплошным слоем фиксировалась ткань. Наконечники стрел обнаружены у правой руки, а фрагменты железного предмета – в районе ног. Практически все содержимое могилы, оказавшееся сильно спрессованным, было сложено в коробки и доставлено в Барнаул.

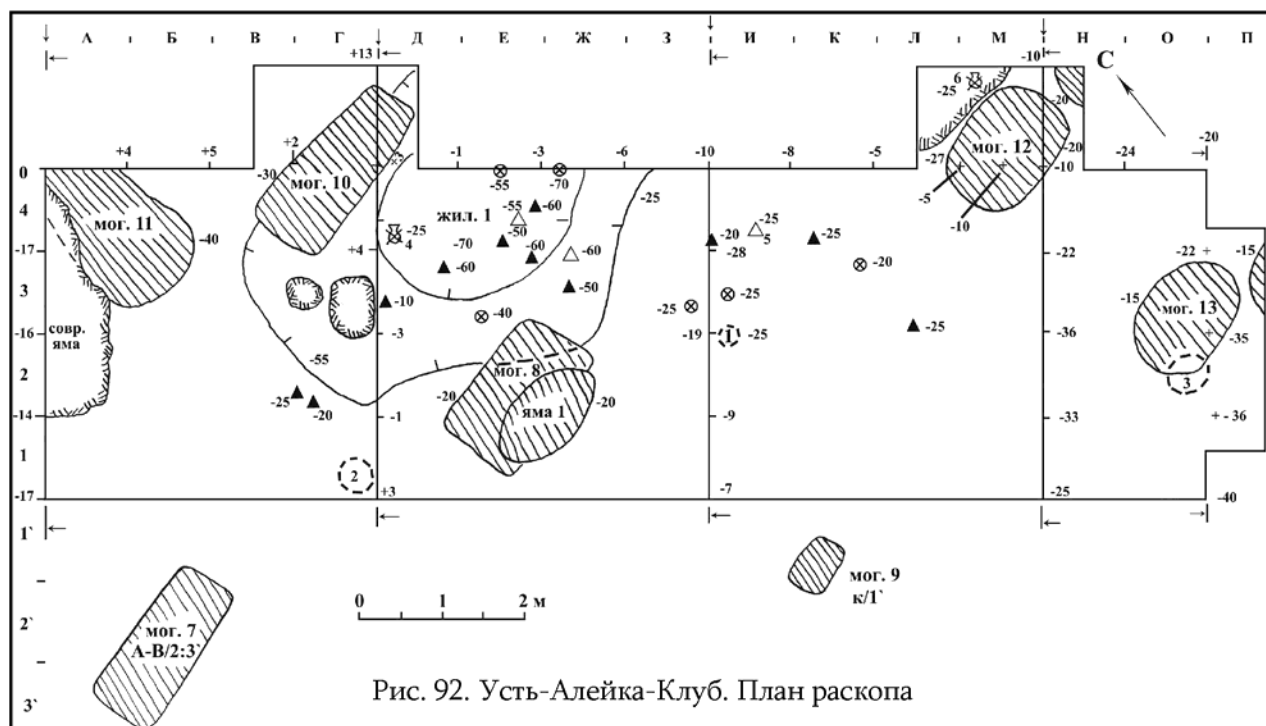

В стационарных условиях на кафедре археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ эти материалы разбирались и очищались от земли. В ходе этой работы к указанным трем наконечникам стрел (рис. 91.-1-3) и фрагменту железного предмета (рис. 91.-5) добавились другие. Среди них отметим половину еще одного наконечника стрелы (рис. 91.-6), нож с обломанным острием (рис. 91.-4) и небольшие части от разных предметов, один из которых был, вероятно, массивным (рис. 91.-7), а другой представлял собой металлическую пластину (рис. 91.-8). Кроме этого, еще обнаружены мелкие окислы и фрагменты железных изделий.

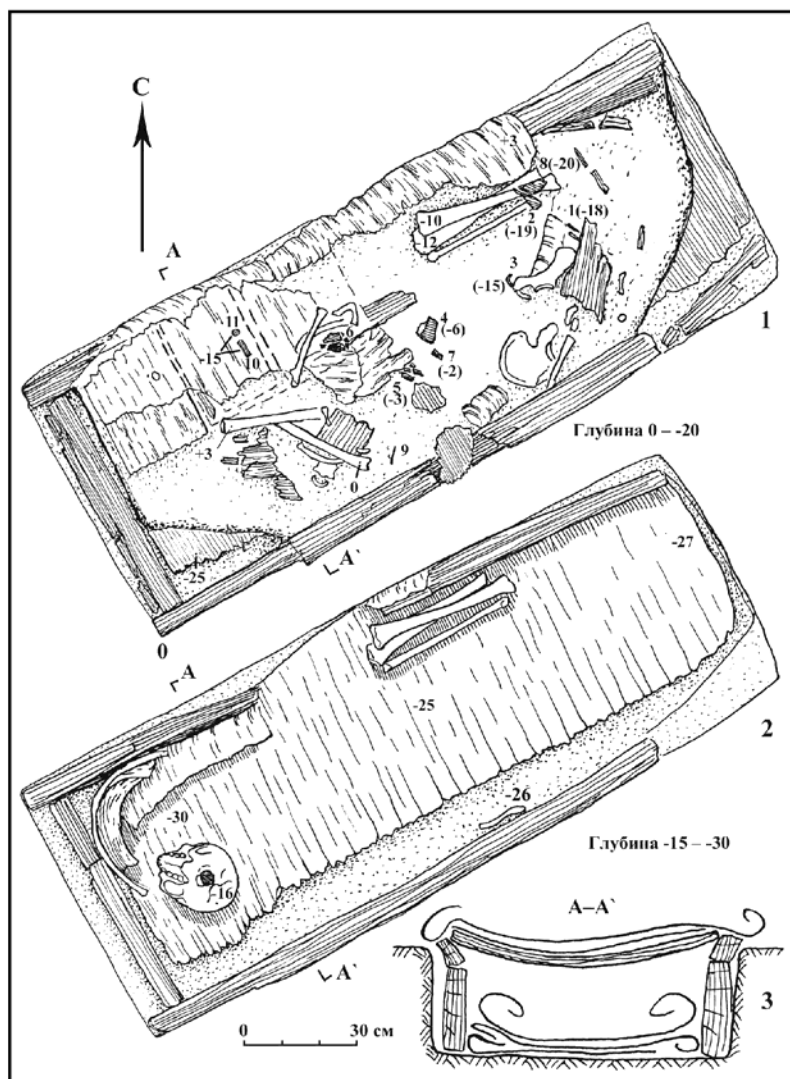
Фрагменты черепа и остальные человеческие кости были переданы в Кабинет антропологии исторического факультета АлтГУ. Определения выполнялись С.С. Тур. По состоянию зубной системы, размерам первого ребра, характеру синостозирования костей посткраниального скелета она установила возраст погребенного в могиле-6 – 16–18 лет. Морфологические особенности тазовых костей и размеры первого позвонка соответствовали мужскому полу.

Находки из могилы-6, как и ранее обнаруженный предметный комплекс с памятника Усть-Алейка-Клуб, переданы в Музей археологии и этнографии Алтая АлтГУ. Вся собранная береста являлась остатками погребальной конструкции. Обнаружить предполагаемый колчан для стрел не удалось. Для получения дополнительных сведений вся кора передана на отдельное изучение С.А. Пилипенко. На костях скелета, на бересте и отдельно находились многочисленные довольно хорошо сохранившиеся фрагменты однообразного тканого полотна. По всей видимости, это остатки савана, которым был накрыт или обернут умерший. Данный факт является важным моментом погребальной обрядности местных племен монгольского времени. Он отмечен на памятнике Раздумье-1б (Уманский А.П., 1987) и в соседней Барабе, где обнаружены аналогичные захоронения (Молодин В.И., Соловьев А.И., 2004). В исследованных могилах Лесостепного Алтая эпохи развитого средневековья уже найдено довольно много образцов различных тканей, требующих специального анализа.

Могилы-7 (рис. 92-94). Неровно-подпрямоугольная яма длиной 2 м, шириной 0,8 м и глубиной 0,27–0,3 м от уровня материка была ориентирована длинными стенками по линии ЮЗ–СВ. Заполнение ямы представляло собой темно-серую супесь с вкраплениями древесного угля. Внутримогильная конструкция оказалась достаточно сложной. Ее основу составляла рама из приставленных друг к другу плах шириной до 0,25 м. Как и в предыдущей могиле, концы продольных сторон выходили за поперечины. На выровненное дно внутри рамы укладывались три листа бересты: нижний лежал окоренной стороной наружу (к полу), второй располагался окоренной стороной вверх, а наиболее крупный находился сверху окоренной стороной вниз (рис. 93.-3). Края верхнего куска свернулись вовнутрь, но раньше они прикрывали стенки рамы (рис. 93.-1). Погребальная камера, высота которой определялась шириной плах, была перекрыта рядом досок (не менее 7) шириной 0,2–0,3 м и толщиной около 0,03 м. Поверх деревянного потолка настилались еще два крупных полотна бересты. Они лежали окоренной стороной вниз. При этом более узкий кусок перекрывал только доски потолка, а широкий (верхний) распространялся на часть земляных отвесных стенок. Могилы была ограблена, поэтому представлена лишь часть зафиксированных наблюдений (рис. 93.-1-3). Судя по черепу и костям ног, которые находились в положении, близком к анатомическому, умерший взрослый человек лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 93.-2).

Весь сопроводительный инвентарь обнаружен в грабительском выбросе в 0,15–0,25 м выше дна могилы (рис. 93.-1). Предметы оказались сильно разрушенными. Однако реконструирован железный топор-кельт с остатками деревянной рукояти в несомкнутой втулке (рис. 93.-1), сохранились два крупных плоских наконечника стрел и обломок черенка от третьего (рис. 94.-2–4), найдены обломки черена ножа с остатками деревянной рукояти (рис. 94.-10), зафиксированы фрагменты железных заклепок (рис. 94.-5) и гвоздей (рис. 94.-6), а также обрывки кожаных ремней (рис. 94.-11–12). Кроме этого, выявлены обломки других предметов, определить назначение которых затруднительно. Это могли быть части стремени, удил или других железных изделий (рис. 94.-8–9).

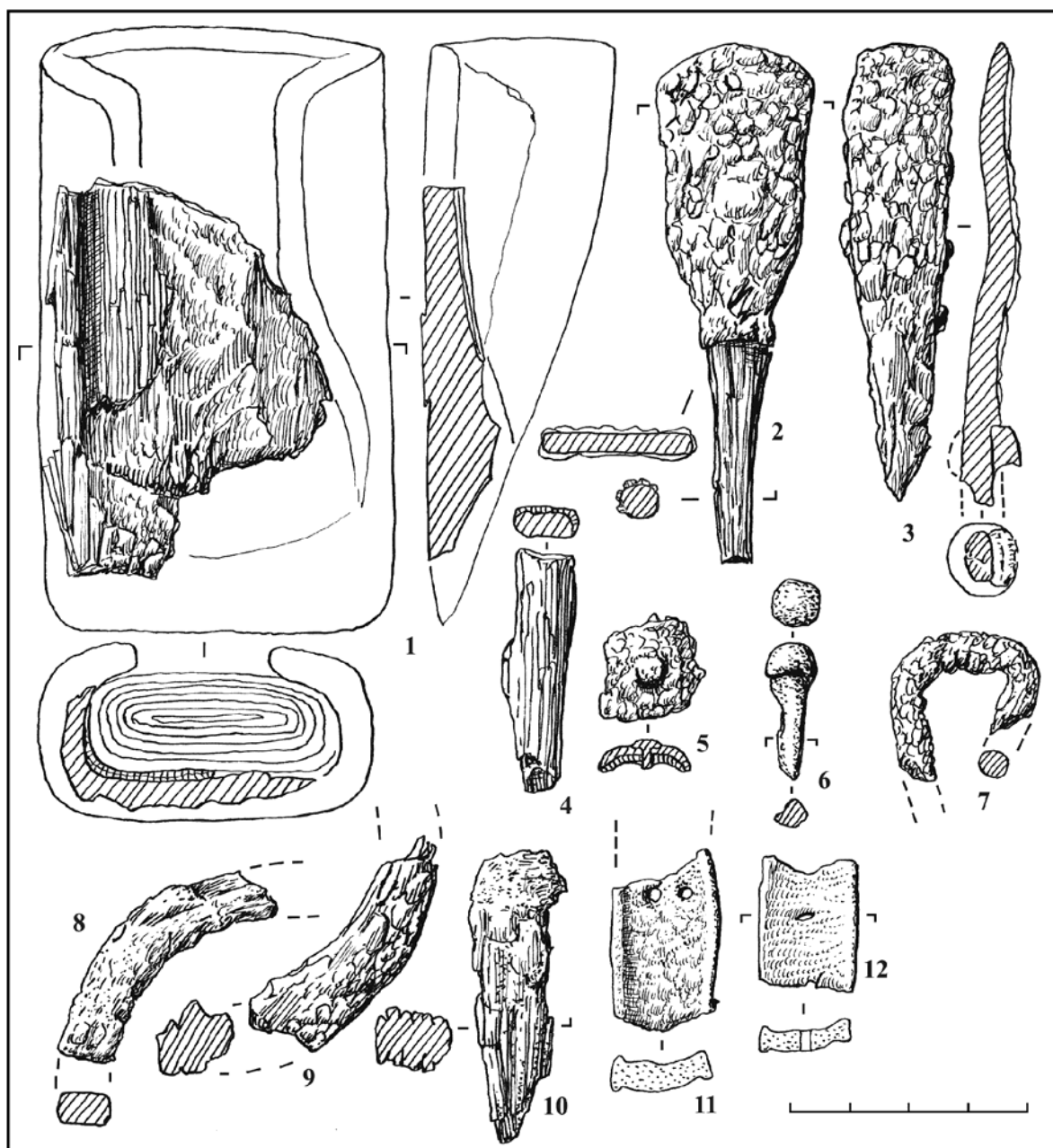

Рис. 94. Усть-Алейка-Клуб. Могила-7. Находки. 1–5, 10 – железо, дерево; 6–9 – железо; 11–12 – кожа

По черепу и посткраниальному скелету антропологом С.С. Тур были сделаны определения. В результате оказалось, что в могиле находился мужчина в возрасте 45–55 лет, который имел «...осложненный (со смещением отломков) перелом II–IV плюсневых костей левой стопы, перелом проксимальной фаланги одного из пальцев левой стопы; осложненный (со смещением отломков) перелом V пястной кости левой кисти; а также перелом двух ребер с правой стороны». По заключению С.С. Тур, мужской череп из могилы-7 имеет ярко выраженный комплекс признаков центрально-азиатского расового типа, характерный для пришлого населения монгольского времени.

Могила-8 (рис. 92) находилась рядом с захоронениями, которые относятся к монгольскому периоду. Она в определенной мере могла составлять ряд с объектами №9 и 10. Однако разграбленность погребения и другие разрушения современного характера не дают возможности сделать такое заключение. В могиле обнаружен череп (без нижней челюсти) и кости

стопы женщины 30–40 лет. По мнению антрополога С.С. Тур, обнаруженный в могиле череп значительно более европеоидный, чем из предыдущего захоронения, и, скорее всего, сохраняет особенности, унаследованные от местного населения предшествующей эпохи.

Могилы-9 (рис. 91.-9–12; 92). Удалось исследовать только половину погребения, так как остальная часть оказалась скрыта бульдозером. Судя по оставшемуся участку, яма была подпрямоугольной формы, имела длину около 1,1 м и ширину 0,4 м. Внутримогильная конструкция представлена только остатками берестяной подстилки, уложенной окоренной стороной вниз. Не исключено то, что верхняя часть была разрушена при строительных работах. На дне ямы вытянуто на спине, головой на юго-запад лежал ребенок. Сохранилась только верхняя половина скелета. В районе шейных позвонков найдены две крупные сердоликовые бусины и десять пастовых бисерин (рис. 91.-10–12). Слева ниже ребер лежала небольшая бронзовая пластина с тремя отверстиями и слабозаметным «волнистым» орнаментом (рис. 91.-9). Возможно, это обломок от более крупного изделия. Фрагменты черепа и остатки посткраниального скелета исследовались антропологом С.С. Тур, которая по состоянию зубной системы, синостозированию костей и их размерам определила возраст ребенка – 3–4 года.

Могилы-10 (рис. 92; 95–97). Яма трапециевидной формы, длиной 2,15 м, шириной 0,6–0,7 м и глубиной 0,2 м от уровня материка была ориентирована длинной осью по линии ЮЗЗ–СВВ. Внутримогильная конструкция подобна тем, которые описаны выше, но имеет некоторые особенности (рис. 95.-1–3).

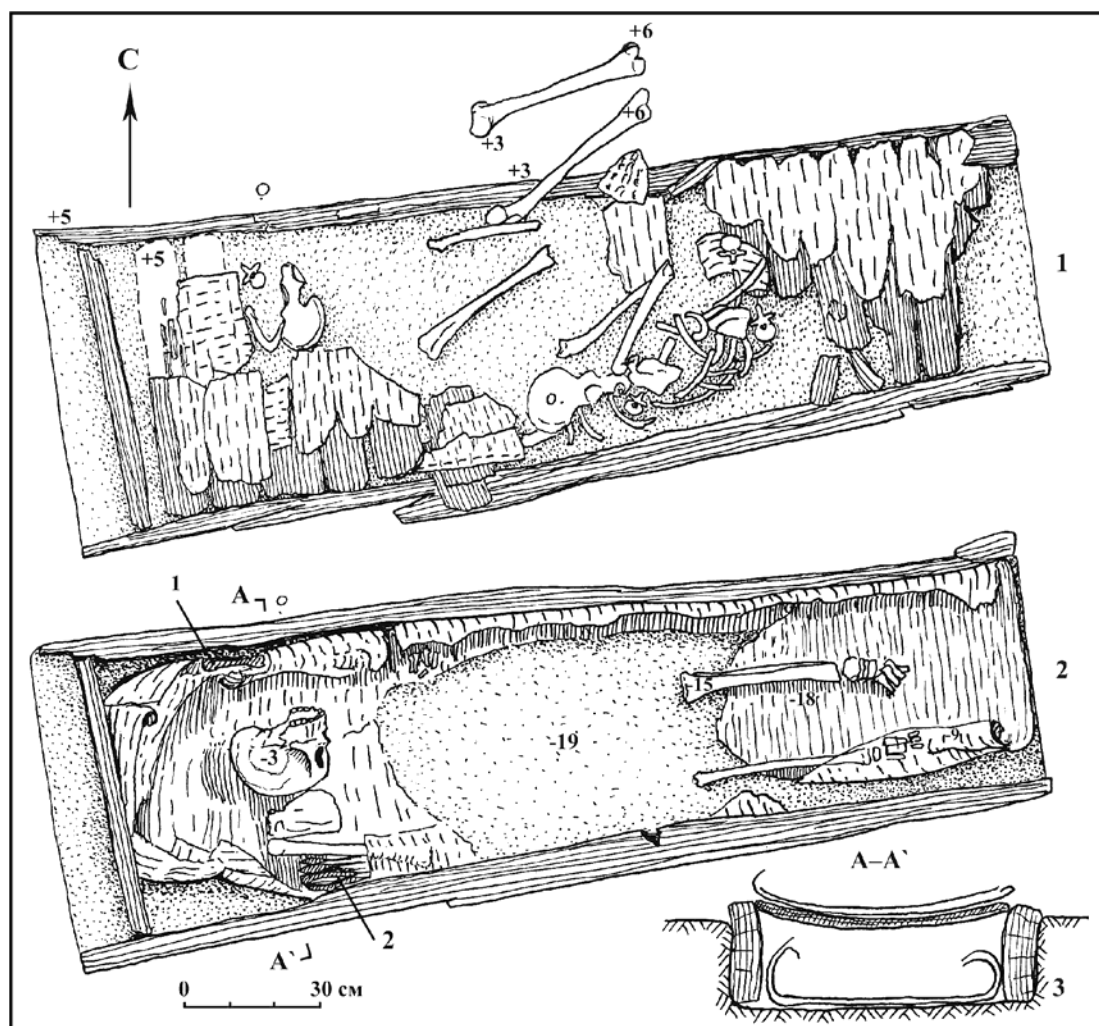

Рис. 95. Усть-Алейка-Клуб. Могилы-10. Планы и разрез

Так, рама сооружена из двух продольных и только одной поперечной плахи. Эти детали погребальной камеры имели относительно крупные размеры: ширина 0,25 м, толщина до 0,07 м. Продольные концы выступали за поперечину рамы на 0,15 м (рис. 95.-2). Выровненное дно было устлано крупным берестяным полотном, положенным окоренной стороной вниз. Края этого листа частично закрывали деревянные стенки. Рама сверху оказалась перекрыта плотным настилом из досок (не менее 16 шт.) шириной 0,1–0,15 м и толщиной до 0,03 м. Такой потолок погребальной камеры закрывал широкий лист бересты, уложенный окоренной стороной вниз и прикрывавший земляные стенки на 0,1 м (позднее часть его краев загнулась вовнутрь). На это полотно наложен еще один лист, имевший меньшую ширину, которая соответствовала ширине перекрытия.

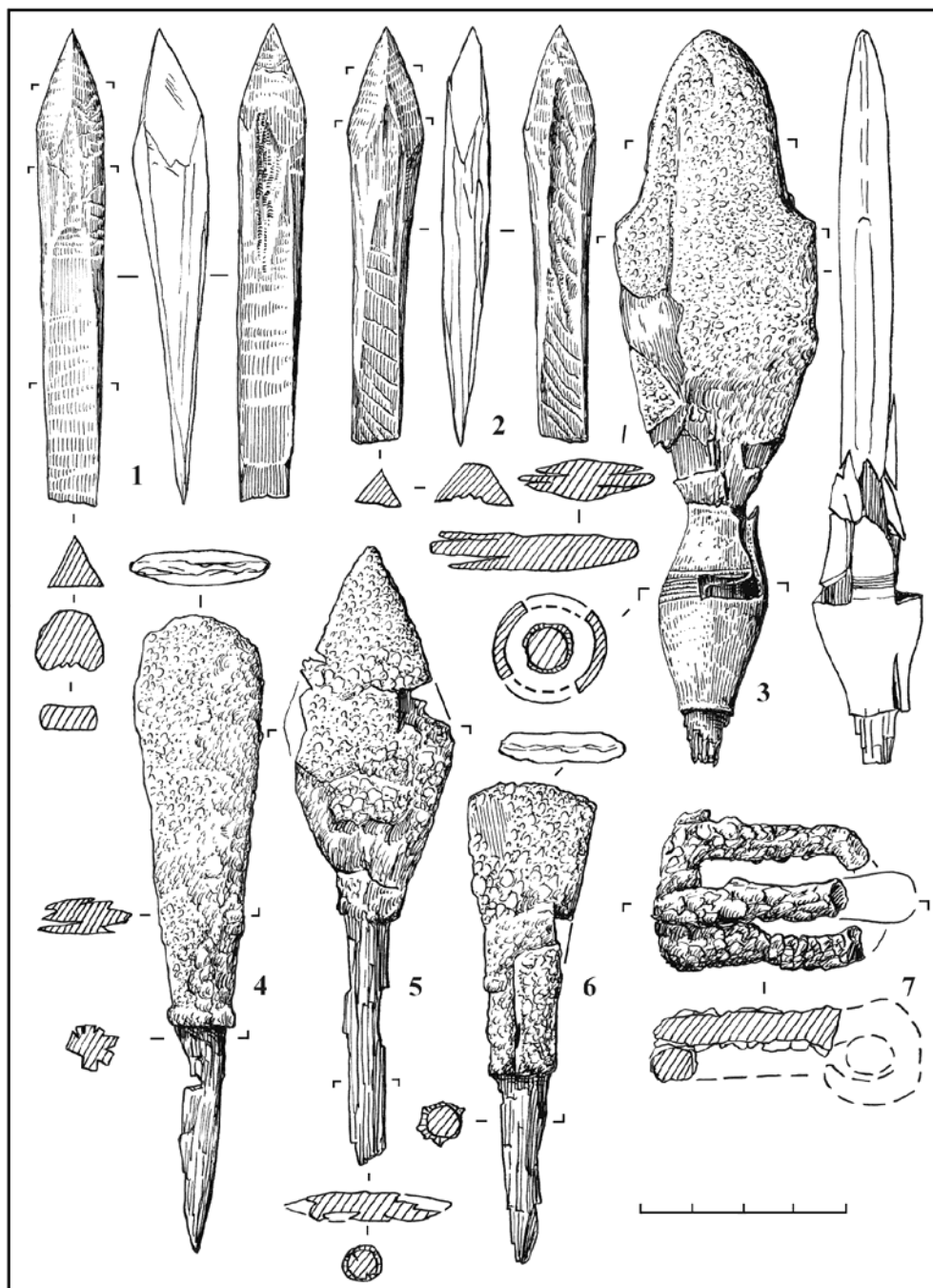

Рис. 96. Усть-Алейка-Клуб. Могила-10. Находки. 1–2 – кость; 2 – железо, кость, дерево; 4–6 – железо, дерево; 7 – железо

Погребение разграблено (рис. 95.-10). В анатомическом положении остались кости правого и левого плеча, а также ног ниже колен (рис. 95.-2). Судя по ним, умерший взрослый мужчина лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад-запад. Между правым плечом и стенкой погребальной камеры находились остатки берестяного колчана (рис. 95.-2) с двумя костяными (рис. 96.-1-2) и четырьмя железными (рис. 96.-3-6) наконечниками стрел. Плоские разнотипные металлические наконечники имеют крупные размеры. У одного из них была костяная свистунка с двумя прямоугольными вырезами и кольцевыми декоративными нарезками (рис. 96.-3). С левой стороны от погребенного найдена роговая «весловидная» срединная накладдка на лук (рис. 95.-2; 97). В заполнении могилы, представленном мешаной серой супесью с фрагментами древесного угля, обломками деревянных и берестяных частей от внутримогильной конструкции и костями человека, найдены обломанная железная рамчатая пряжка (рис. 96.-7), а также многочисленные мелкие фрагменты железного изделия (ножа?).

Исследованные могилы позволяют сделать заключение, что на памятнике Усть-Алейка-Клуб находился некрополь монгольского времени, который оказался разрушенным в ходе строительных мероприятий. Следует обратить внимание на то, что часть могил до этого была ограблена. Зафиксированные элементы погребального обряда, особенности внутримогильных конструкций и обнаруженные предметы находят аналогии в других захоронениях монгольского времени, исследованных на территории Лесостепного Алтая и представленных выше (Грязнов М.П., 1956; Бородаев В.Б., Ефремов С.А., Тишкин А.А., 2000;

Уманский А.П., Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2001; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А., 2002; и др.). Однозначно определить грунтовый характер исследованного могильника не представляется возможным. Не исключено, что на поверхности были небольшие курганные насыпи из песчаного грунта, но при застройке села и в ходе хозяйственных мероприятий они оказались сnivelированы. Например, на крупном археологическом комплексе монгольского времени Кармацкий (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002б;

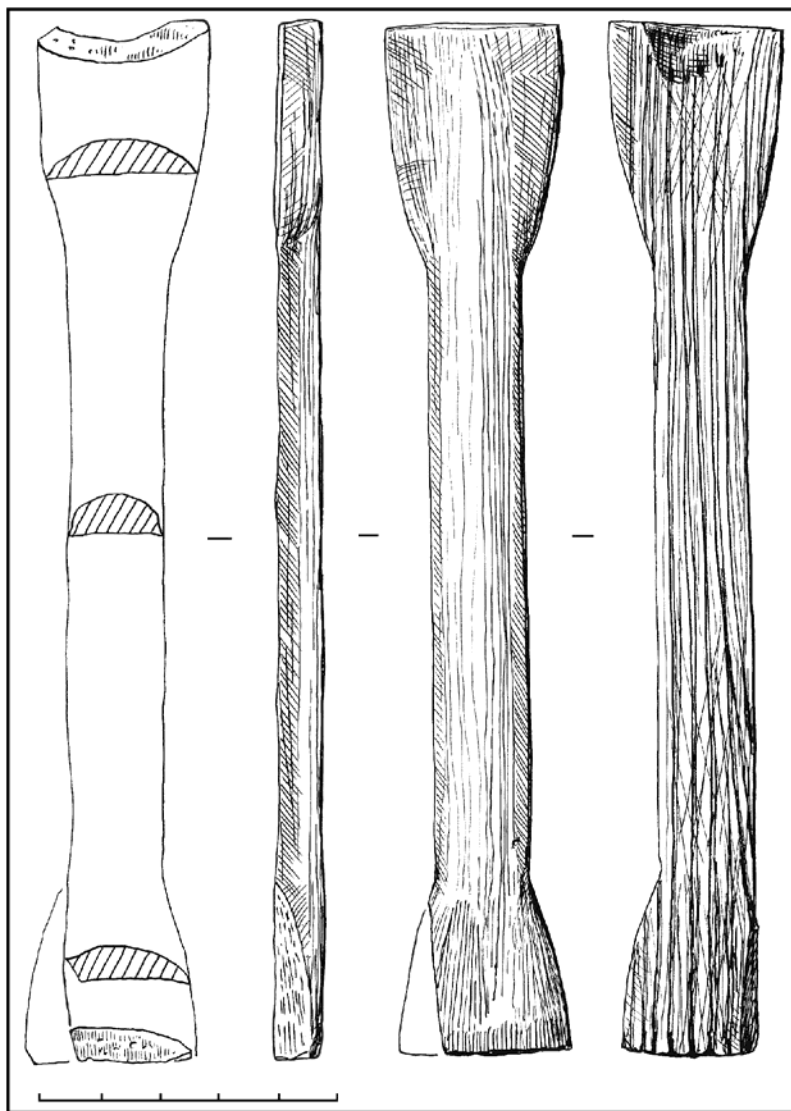

Рис. 97. Усть-Алейка-Клуб. Могила-10.

Роговая накладдка на лук

Тишкин А.А., 2004а; Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., 2007), где не было такого активного антропогенного воздействия, некоторые небольшие насыпи также сейчас трудно различимы на современной поверхности, другие хорошо фиксируются. Возможно, такая же ситуация была на памятнике Усть-Алейка-Клуб и на других представленных некрополях. Не стоит исключать того, что на территории мыса еще остались неисследованными погребения монгольского времени. Поэтому имеются перспективы дальнейшего изучения частично раскопанного разновременного комплекса.

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ. В данном пункте приводятся сведения о случайных находках, в основном предметов вооружения, поступивших в свое время в различные музеи (БКМ, АГКМ и др.) либо находящихся в частных собраниях. Обстоятельства их обнаружения различны, но объединяет всех один период бытования – монгольское время. Приводимые ниже находки или указания на них уже нашли отражение в ряде публикаций (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998а–б; Горбунов В.В., 2006; Тишкин А.А., 2000; Кунгуров А.Л., 2001; и др.). Однако, на наш взгляд, важно более или менее суммарное представление имеющихся данных (рис. 98–103).

В Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина находится несколько предметов вооружения эпохи средневековья (см. фото 4 на цветной вклейке), которые входили в собрание барнаульского археолога-любителя Н.С. Гуляева. Выяснить их происхождение довольно сложно. Не исключено, что основная часть обнаружена на территории Лесостепного Алтая, в том числе на комплексе памятников в урочище Ближние Елбаны. Хорошая сохранность железных изделий больше свидетельствует о случайном характере находок. Предметы вооружения монгольского времени (наконечники стрел, копье) из коллекции Н.С. Гуляева были учтены В.В. Горбуновым (2006, с. 138) при характеристике кармацкой культуры.

В 1930-х гг. в районе старого женского монастыря в пос. Боровом сотрудники Бийского музея обнаружили железные наконечники стрел (инв. №805; рис. 98.-1–3), которые, возможно, происходили из разрушенной могилы (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 8–9). Других сведений об обстоятельствах и более точном месте обследования пока не известно. Судя по характерным признакам, наконечники стрел могут датироваться XII–XIV вв. (Могильников В.А., 1981, рис. 72–73; Худяков Ю.С., 1991; 1997, с. 64–69; Горбунов В.В., 2006, рис. 35; и др.).

В 1986 г. В.Н. Совков обнаружил железный наконечник стрелы (рис. 98.-6), по форме схожий с подобными изделиями из пос. Борового (см. выше) и относящийся к монгольскому времени. Находка была сделана в карьере, который располагался на 8 км от Бийска по Чуйскому тракту в сторону Горно-Алтайска (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 19). Изделие было передано в БКМ (б/н), где хранится.

В 1989 г. при раскопках многослойного поселения Боровое-III, кроме керамики начала II тыс., зафиксирован железный наконечник стрелы (рис. 98.-5) с такими характеристиками: черешковый, с плоским, прямоугольным в сечении и «вилчатым» по форме пером, а также с уступом в виде прямых плечиков при переходе пера в черешок (Кунгуров А.Л., 2001, с. 61, рис. 4.-1). Памятник Боровое-III находится на восточной окраине Бийска в районе бывшего женского монастыря у с. Борового, на широком мысу второй надпойменной террасы, высота которой около 10 м (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А., 1992, с. 8).

Еще одно представляемое изделие происходит из сборов около с. Фоминского. Железный наконечник стрелы монгольского времени (рис. 98.-5) находится в фондах БКМа и имеет такое обозначение: 181/12/2 (Тишкин А.А., 2002а). Судя по номеру, можно предположить, что

рассматриваемый предмет поступил в музей примерно в то же время, когда была обнаружена могила-2 на памятнике АБ (Бийск). Другими сведениями мы не располагаем.

Следует указать еще на одну находку монгольского периода, происходящую из «бийской» зоны. Это железный шлем из Шадрино (рис. 98.-7а-г). Он подробно опубликован В.В. Горбуновым и С.Ю. Исуповым (2002). Эта информация затем использовалась в обобщающей монографии В.В. Горбунова (2003), посвященной защитному вооружению кочевников развитого средневековья.

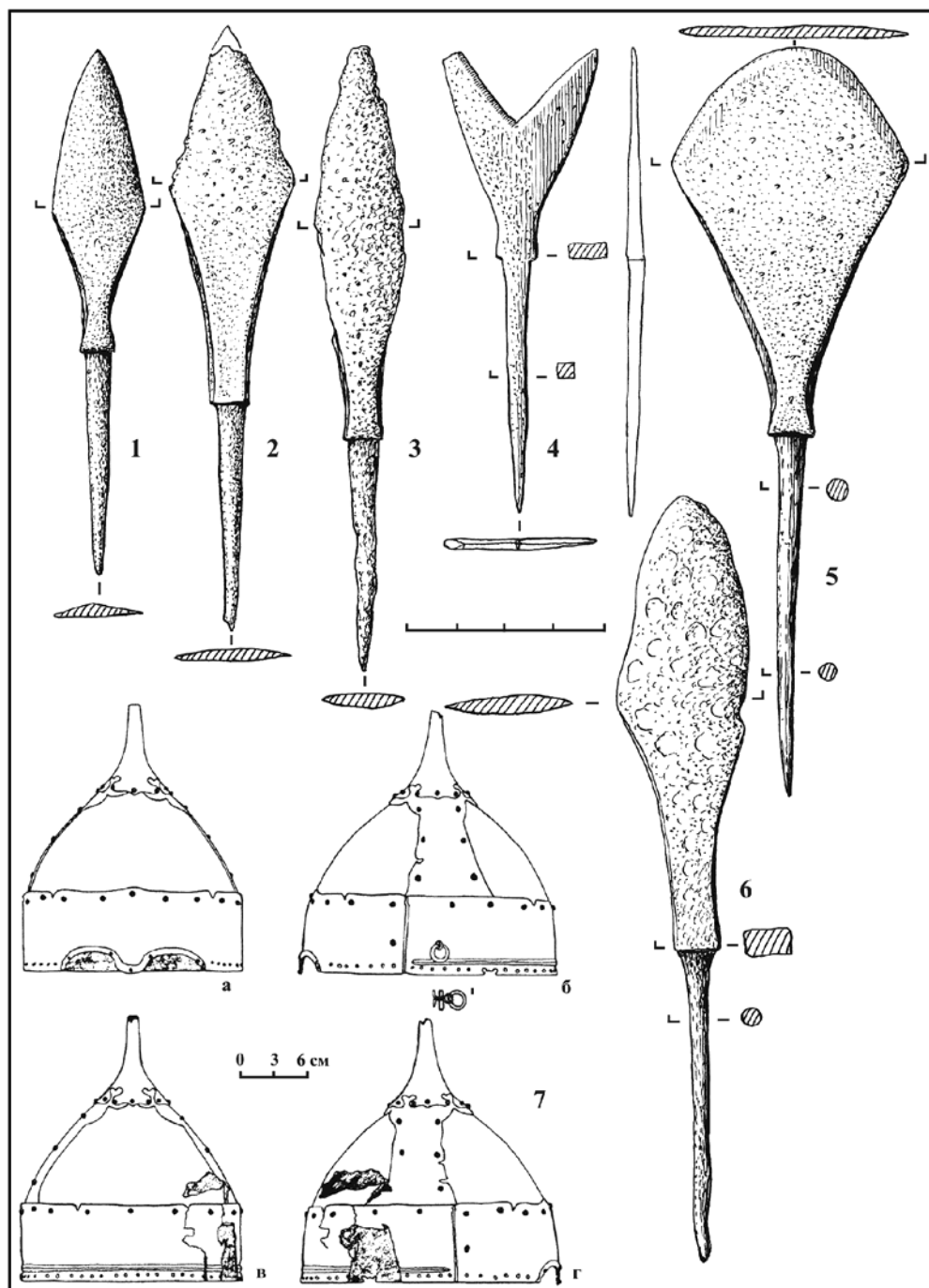

Рис. 98. Железные предметы вооружения монгольского времени из окрестностей Бийска:

- 1–3 – наконечники стрел из с. Борового (Старый монастырь; сборы 1930-х гг.);
 4 – наконечник стрелы из памятника Боровое-III; 5 – наконечник стрелы из Фоминского (сборы);
 6 – наконечник стрелы, найденный на 8 км Чуйского тракта; 7 – железный шлем
 (по: Тишкин А.А., 2002а, рис. 2; Горбунов В.В., Юсупов С.Ю., 2002, рис. 1)

Судя по приведенным данным, в Бийске и вокруг него имеется ряд археологических памятников, связанных с монгольским временем. Данное обстоятельство обеспечивает перспективы исследовательской деятельности в этом районе.

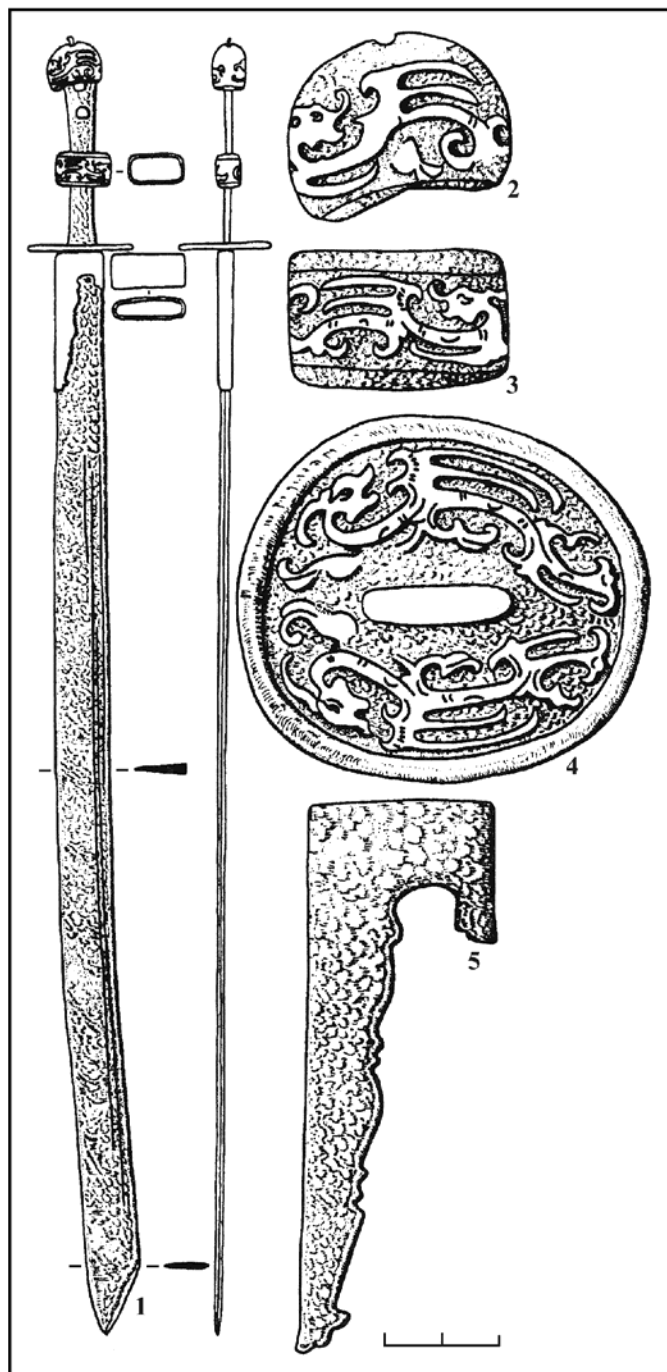

Рис. 99. Сабля из Кабаково. Случайная находка
(по: Уманский А.П., 1994, с. 88;
Горбунов В.В., 2006, рис. 59)

Весной 1959 г. во время вспашки огорода жителем с. Кабаково (Алейский район Алтайского края) была обнаружена сабля (рис. 99). Она дважды публиковалась А.П. Уманским (1991; 1994). Оружие хранится в АГКМ и размещено в экспозиции (см. фото 39 на цветной вклейке). В музей саблю передал учитель истории Кабаковской школы Е.Е. Кузьмин. Место, где находился огород, обследовано А.П. Уманским (1994, с. 86). Оно представляет собой небольшой мыс, образованный «...верхней террасой старицы р. Алей». Раскопки там не проводились, каких-либо других предметов или костей не обнаружено. По заключению А.П. Уманского (1994, с. 86), находка имеет случайный характер.

В.В. Горбуновым (2006, с. 68, 71–72) представленное изделие отнесено к типу 7 и датировано концом XIII – 1-й половиной XIV в. Особое внимание было уделено перекрестию в виде овальной гарды (рис. 99.-4), а также орнаменту с изображениями драконов, который нанесен на нее и на другие детали сабли. Эти показатели отражают китайское происхождение данного наступательного вооружения. По мнению В.В. Горбунова (2006, с. 72), сабля могла быть изготовлена юаньскими оружейниками.

В указанной монографии В.В. Горбунова (2006) нашли отражение в систематизированном виде и другие приводимые здесь находки предметов вооружения, относящиеся к монгольскому периоду. Это касается железного топора (рис. 100.-1) из с. Акимовки (Краснощековский район

Алтайского края), который хранится в АГКМ (см. фото 28 на цветной вклейке), нескольких наконечников копий и стрел (рис. 100.-3–5; 101; 102.-1–2, 6–7), а также боевого ножа (рис. 102.-8). Они были ранее опубликованы (Горбунов В.В., Клюкин Г.А., 1997; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998а–б; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000; и др.) и использовались для характеристики комплекса вооружения Лесостепного Алтай монгольского времени (XIII–

XIV вв.) (см. фото 26 на цветной вклейке). Имеющиеся на сегодняшний день такие данные подтверждают характер военной организации населения Лесостепного Алтая монгольского времени (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2009). Следует отметить и обобщающую работу Ю.С. Худякова (1997, с. 58–77) по вооружению кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья, где Алтаю посвящена целая глава. Монографии В.В. Горбунова (2003, 2006) подвели своеобразный итог научно-исследовательской работы в области изучения военного дела средневекового населения Алтая и обозначили дальнейшие ее перспективы.

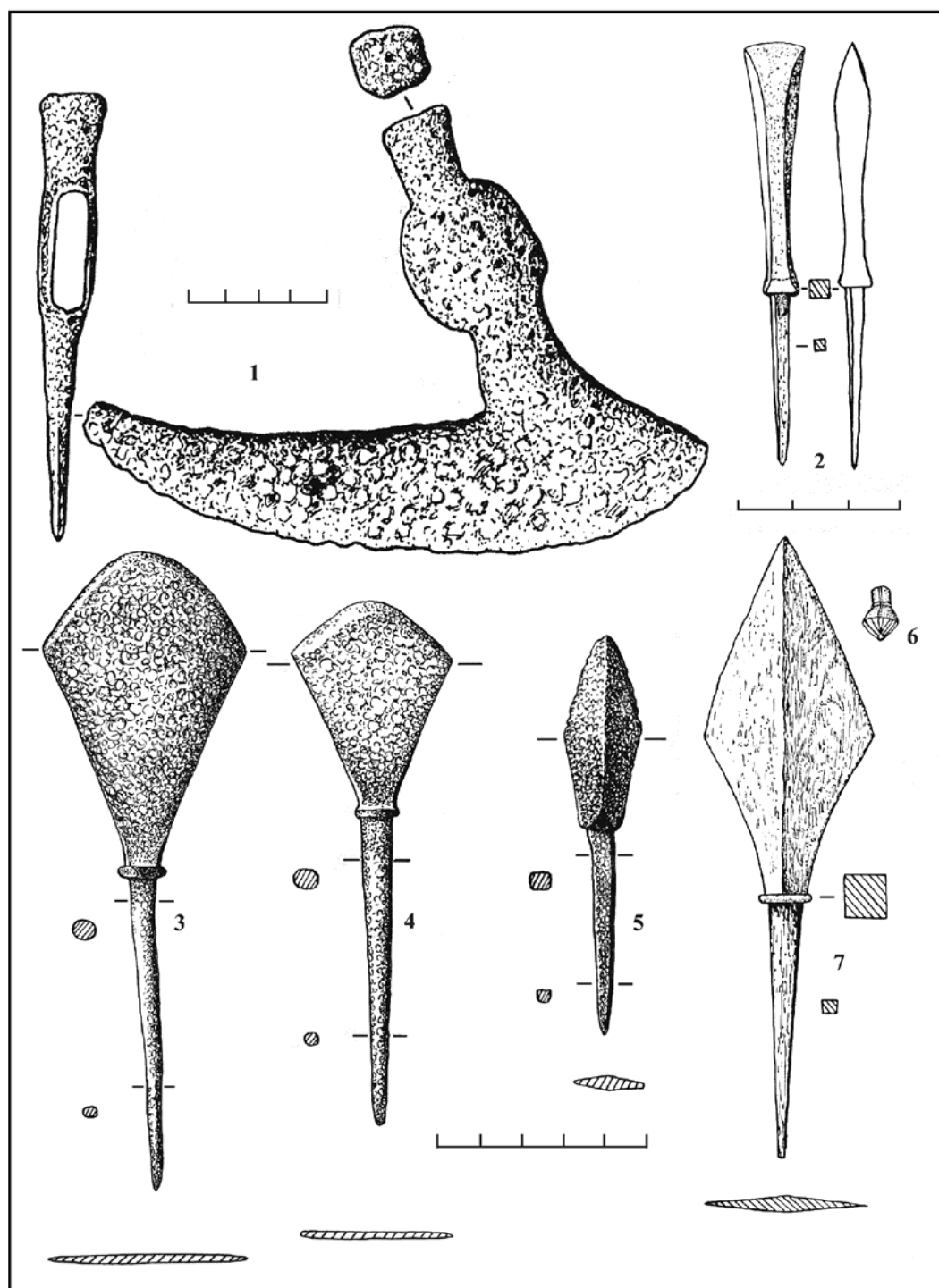

Рис. 100. Случайные находки из Лесостепного Алтая. 1–7 – железо; 6 – бронза (по: Горбунов В.В., 2006; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 1998; Иванов Г.Е., 2000)

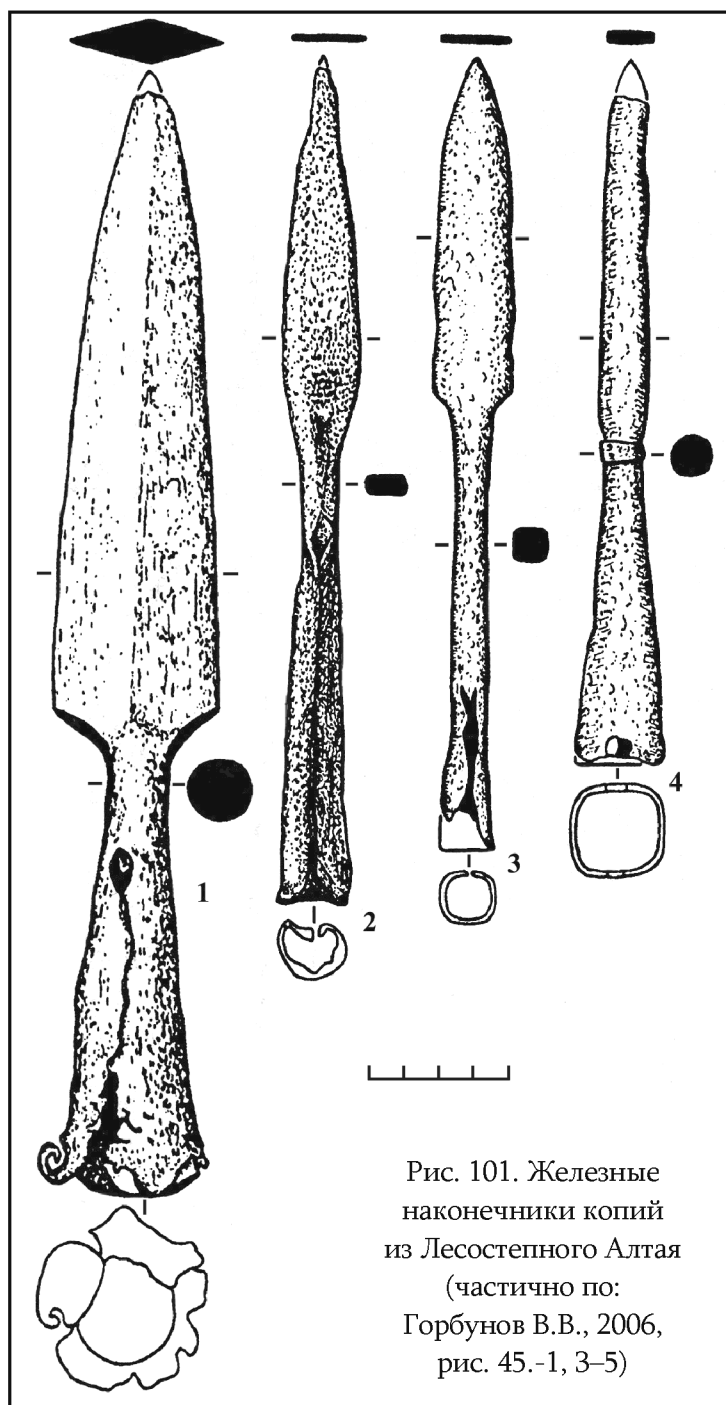

Рис. 101. Железные наконечники копий из Лесостепного Алтая (частично по: Горбунов В.В., 2006, рис. 45.-1, 3-5)

В Мамонтовском районе зафиксирован ряд предметов интересующего нас периода: монета, наконечники стрел, подвеска и некоторые другие вещи. Сведения о них опубликованы Г.Е. Ивановым (1982; 1999; 2000). В 1977 г. житель с. Черная Курья И.А. Сафонов обнаружил на огороде мелкую медную монету, которая, по предварительному определению М.Б. Северовой, может датироваться XIV в. и относиться к кругу золотоордынских изделий (Иванов Г.Е., 1982, с. 26; 2000, с. 92). К сожалению, рисунок этой находки до сих пор не опубликован. В указанных публикациях не сообщается и о месте хранения нумизматической ценности. В с. Черная Курья также найден железный наконечник стрелы (рис. 100.-2), время изготовления которого хорошо определяется XIII–XIV вв. (Иванов Г.Е., 1999, с. 151, рис. 1.-8). На памятнике Курейка-VII обнаружена подвеска из белого металла (рис. 100.-6), отнесенная к монгольскому времени (Иванов Г.Е., 2000, с. 118, рис. 43.-11). В дачном поселке Михайловское на глубине 20 см найден железный черешковый наконечник стрелы с упором и плоским асимметрично-ромбическим пером (рис. 100.-7), датируемый периодом развитого средневековья (Иванов Г.Е., 1999, с. 151, рис. 1.-9).

Фрагмент зеркала, датируемого XII–XIV вв., был найден около Бийска и хранится в БКМе (Тишкин А.А., 2006б). Т. Масумото (1993, с. 251, рис. 1.-г) опубликованы следующие сведения о нем: диаметр 10,5 см, толщина орнаментального поля 2–3 мм, толщина бортика 3 мм, высота шишки-петли в центре 7 мм, в поле орнамента невысоким рельефом изображены фантастические животные в виде сфинксов, по бортику зеркало украшено арабской благожелательной надписью. Указанные характеристики находят аналогии среди рассматриваемых изделий, получивших распространение в монгольское время на Ближнем Востоке, в Средней Азии, на Северном Кавказе, в евразийских степях Восточной Европы (Масумото Т., 1993, с. 251). Следует отметить, что в Бийском краеведческом музее хранится бронзовое зеркало с изображениями рыб, которое датируется монгольским периодом. Имеются и

другие предметы, которые еще не введены в научный оборот. Следует отметить, что подобными ресурсами обладают многие музеи России. Поэтому следует сосредоточить внимание на систематические публикации коллекций, накопленных за многие десятилетия.

Сбор всевозможных сведений о предметах монгольского времени продолжается. Это дополняет содержание материальной культуры, способствует не только сравнительному анализу таких данных, но и обеспечивает решение целого ряда проблем этнокультурного характера. Среди изделий, которые недавно введены в научный оборот, отметим наконечники стрел (рис. 102.-3-5), хранящиеся в Верхозернинском музее (Быстроистокский район Алтайского края) (Лихачева О.С., 2007).

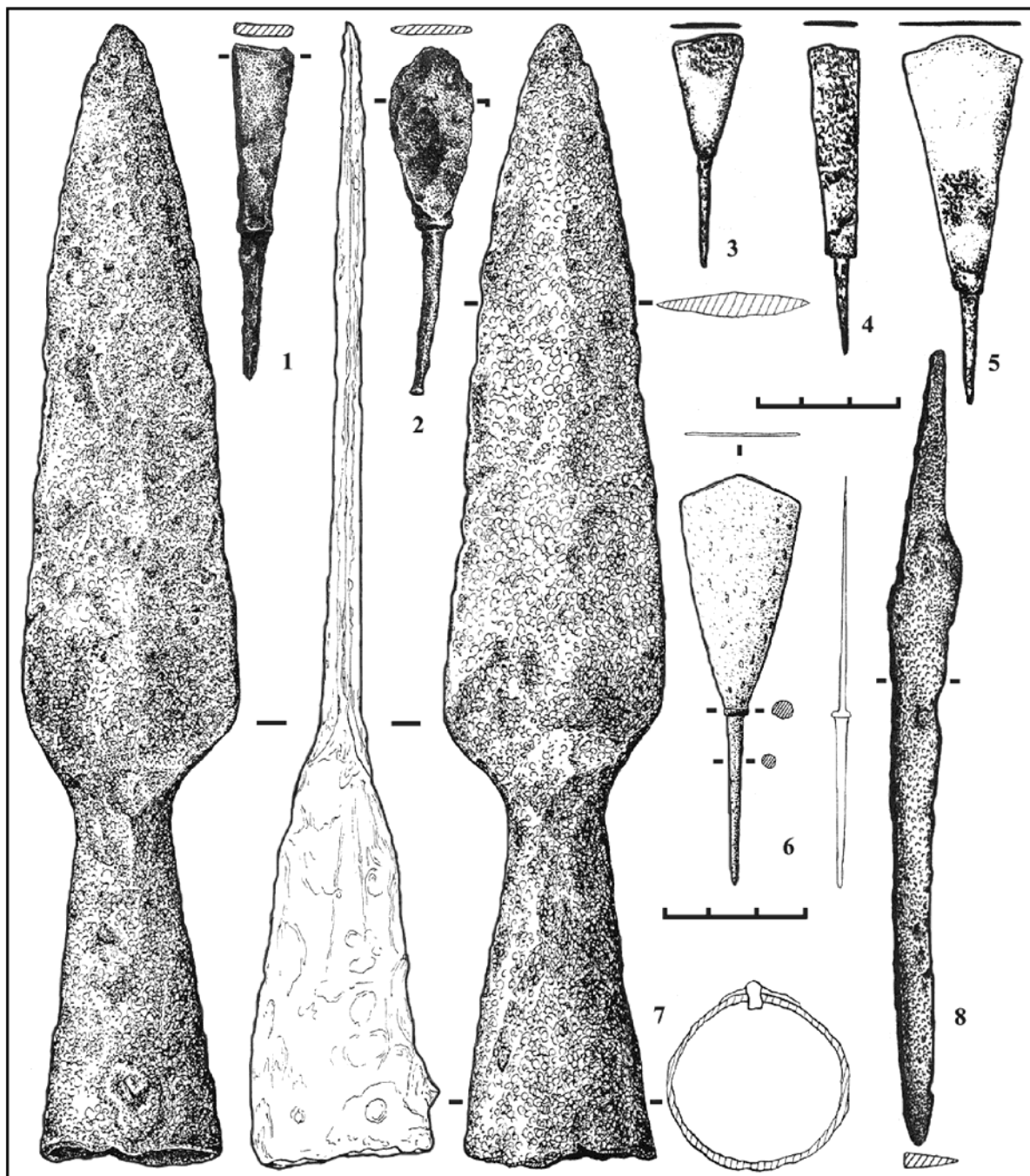

Рис. 102. Предметы вооружения из железа, случайно найденные в разных районах Алтайского края (1-2, 8 – по: Горбунов В.В., Клюкин Г.А., 1997; 3-4 (без масштаба) – по: Лихачева О.С., 2007, рис. 1.-2, 5-6; 6-7 – по: Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2000; Горбунов В.В., 2006)

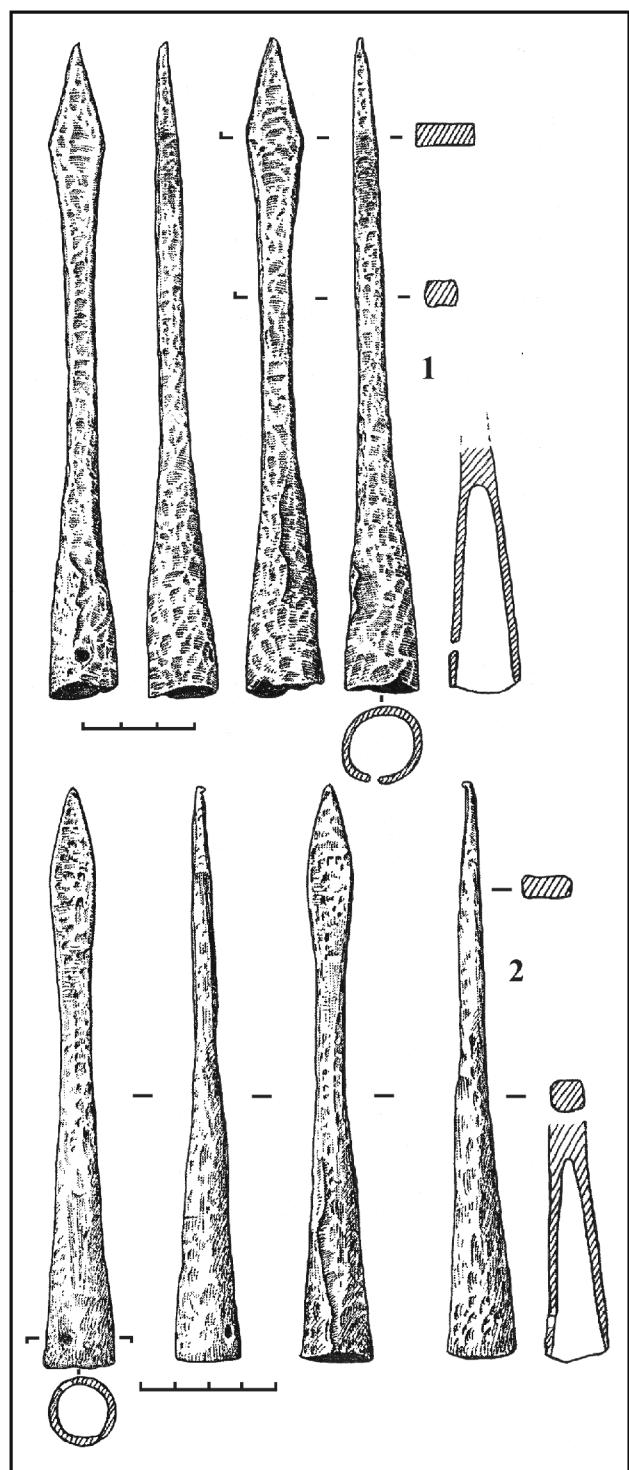

Рис. 103. Железные наконечники копий из Володарки (по: Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., 2007)

Кроме этого, в научный оборот введены два железных копья (рис. 103), обнаруженные в окрестностях с. Володарка (Топчихинский район Алтайского края) местным жителем А.В. Маркиным. По заключению В.В. Горбунова и К.Ю. Кирюшина (2006; 2007), оба изделия «...близки друг другу типологически и изготовлены по единой технологии...», согласно разработанной классификации они «...относятся к группе железных, разряду втульчатых, разделу равновеликих, отделу четырехгранных (прямоугольных), типу ромбических, варианту с наклонными плечиками». К сожалению, наконечники копий не связаны с каким-либо археологическим комплексом, как и многие другие подобные предметы вооружения (рис. 101), обнаруженные на территории Лесостепного Алтая (Горбунов В.В., 2006, с. 138–140, рис. 45). Датировка володаркинских «легких» пик может быть определена широкими хронологическими рамками (от XIII–XIV до XVII–XVIII вв.), а происхождение подобных изделий связывается с киданьской и монгольской традицией (Горбунов В.В., Кирюшин К.Ю., 2007, с. 151).

В заключение данной главы следует отметить, что исследования в области изучения памятников Лесостепного Алтая монгольского времени могут перейти на следующий качественно новый уровень. При этом необходимо учитывать ранее отмеченные обстоятельства. Во-первых, то, что памятники XIII–XIV вв. на достаточно обширной территории имеют ряд общих элементов культуры, особенно в области вещевого инвентаря, большое единообразие которого обусловлено монгольскими завоеваниями. Во-вторых, погребальные объекты Лесостепного Алтая могли принадлежать

различным этническим группам с местным локальным своеобразием (Могильников В.А., 1981, с. 191; Савинов Д.Г., 1994, с. 165–166; Тишкин А.А., 2001а; и др.). Представленный круг источников демонстрирует возможности решения спектра различных проблем, направленных на реконструкцию многих сторон системы жизнедеятельности населения Верхнего Приобья в развитом средневековье, в рамках демонстрации дополнительных характеристик кармацкой культуры. Этому будут способствовать представленные в данной

монографии сведения. Следует также отметить, что дальнейшие исследования позволят уточнить ряд моментов, связанных с более детальной датировкой отдельных памятников и находок. Необходимо будет рассмотреть целый комплекс других слабо затронутых или вообще не учтенных вопросов или деталей. Как уже неоднократно было отмечено, основной задачей данной работы стало аккумулирование материалов монгольского времени, обнаруженных на территории Лесостепного Алтая. На ниже представленной карте-схеме (рис. 104) отчетливо видно, что имеются существенные перспективы для проведения специальных обследований и раскопок. Особенно это касается поймы Оби и прилегающей к ней территории. Кроме этого, не охваченными оказались многие районы обозначенного историко-культурного региона, о чем свидетельствует картографирование зафиксированных памятников. Однако по сравнению с известными материалами монгольского времени из Горного Алтая, о чем пойдет речь в следующей главе, кармацкая культура наиболее изучена.

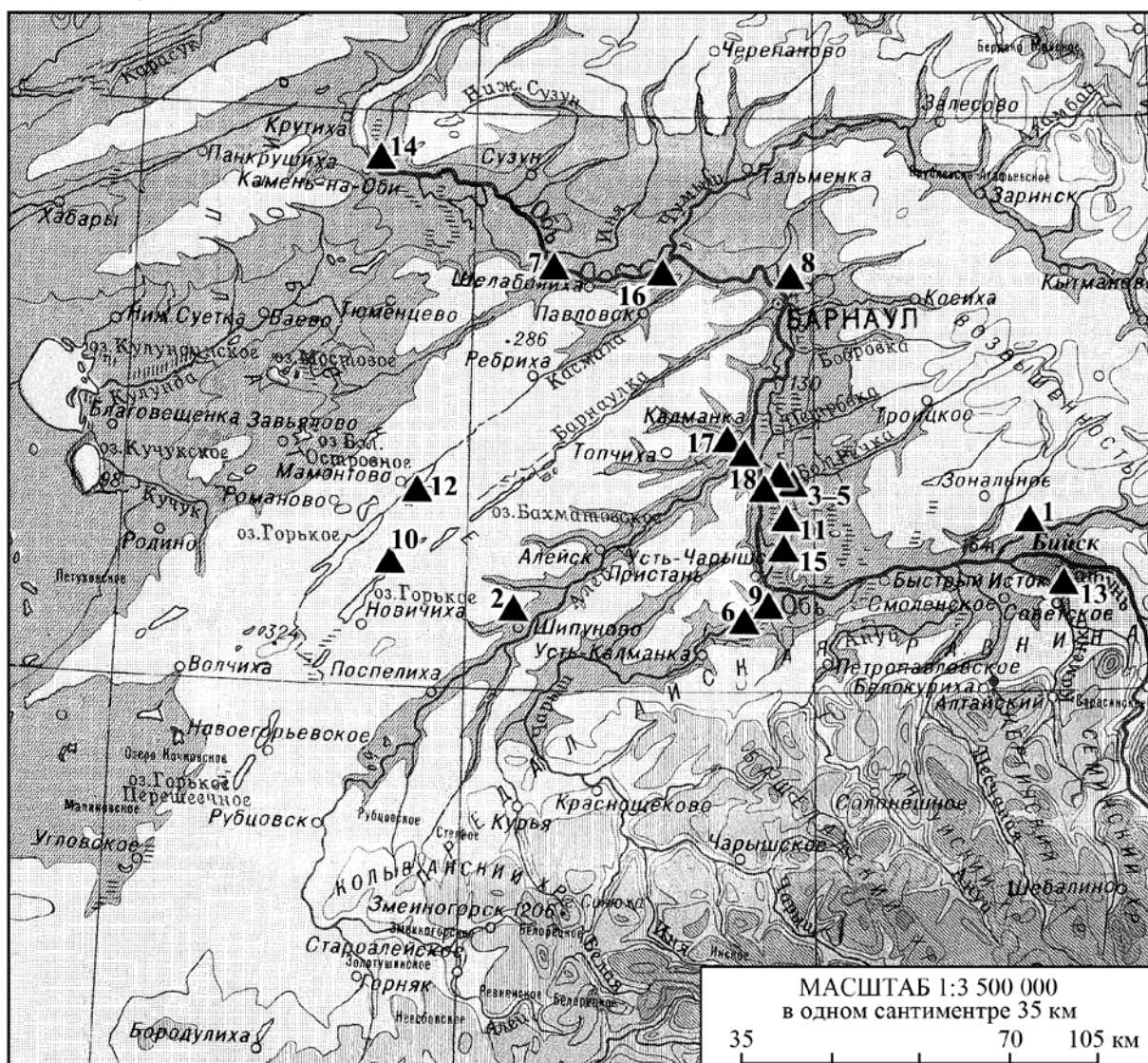

Рис. 104. Карта-схема зафиксированных памятников кармацкой археологической культуры:
 1 – АБ (Бийск); 2 – Барчиха; 3 – БЕ-II; 4 – БЕ-VI; 5 – БЕ-XIV; 6 – Елбанка; 7 – Ильинка;
 8 – Кармацкий; 9 – Коловый Мыс; 10 – Крестьянское-III; 11 – Осинки; 12 – Островное-III;
 13 – Рубцовский; 14 – Раздумье-Iб; 15 – Сухие Гривы; 16 – Телеутский Взвоз-I;
 17 – Усть-Алейка-5; 18 – Усть-Алейка-Клуб

ГЛАВА III

ПАМЯТНИКИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В Горном Алтае раскопано небольшое количество памятников монгольского времени, и существующие письменные свидетельства крайне слабо отражают те события, которые происходили в данном регионе (Тишкин А.А., 2001а; 2007а; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а, в; 2005б; Худяков Ю.С., 2002; и др.). Всех этих материалов пока недостаточно для подробного рассмотрения имеющихся проблем изучения кочевого общества развитого средневековья (Тишкин А.А., 2005а). Можно лишь повторить, что предыдущие тюркские и кыргызские традиции прекратили свое существование. Это явно связано со сменой населения в XII в. и с последующим доминированием восточноазиатских культурных компонентов в результате создания Монгольской империи (Тишкин А.А., 2004б, с. 127–128).

В литературе по археологии уже привычным стало использование обозначения «Горный Алтай», которое больше носит историко-культурный характер, чем географический, хотя часто оно ассоциировалось и с административными рамками сначала Горно-Алтайской автономной области, а затем Республики Алтай. На самом деле указанный регион, который можно рассматривать и в качестве особой культурно-экологической области, несколько шире. Он, естественно, включает в себя Алтайские горы, предгорья и прителецкую тайгу, то, что собственно обозначают на физико-географических картах термином «Алтай». Эта обширная территория сама по себе специфична и существенно отличается от других частей Центральной Азии и Сибири. Изучение археологических памятников демонстрирует стабильный характер границ указанной культурно-экологической области от начала становления скотоводческих культур до этнографической современности. В свою очередь Алтай имеет внутреннее районирование, основанное на специфике орографического строения и других географических особенностях (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 93–98). Погребения монгольского времени были обнаружены практически во всех выделенных районах (Северном, Центральном, Восточном и др.).

В соответствии с указанным ранее порядком представление зафиксированных объектов осуществляется в алфавитном порядке. Большинство всех памятников хорошо известны исследователям, а материалы их в той или иной мере уже публиковались. Для целостного обобщения эти данные с разной степенью заимствования приведены в рассматриваемой главе. Часть таких сведений сокращена или существенно расширена, в том числе за счет иллюстраций, аналитических и других определений. Некоторые материалы вводятся в научный оборот впервые.

АК-АЛАХА-I. При исследовании пазырыкского кургана №1 было обнаружено *впускное погребение* монгольского времени. В ходе раскопок удалось зафиксировать процесс оформления могилы. Для этого выбрали часть камней насыпи. В центр образовавшейся овальной ямы

положили умершего человека: вытянуто на спину, головой на запад (рис. 105.-1-2). Его руки были согнуты в локтях, а кисти сложены ниже живота. Справа, в районе пояса, обнаружены два железных наконечника стрел («двухлопастный плоский с длинным насадом и бронебойный») (рис. 105.-3-4) и железные удила (рис. 105.-7). У костей стоп ног найдены железный предмет (рис. 105.-6) и несколько костей овцы (рис. 105.-1). В заполнении могильной ямы зафиксирована железная пряжка (рис. 105.-5). Погребение по комплексу вещей датировано XIV в. н.э. (Полосьмак Н.В., 1994, с. 19; Молодин В.И. и др., 2004, с. 65).

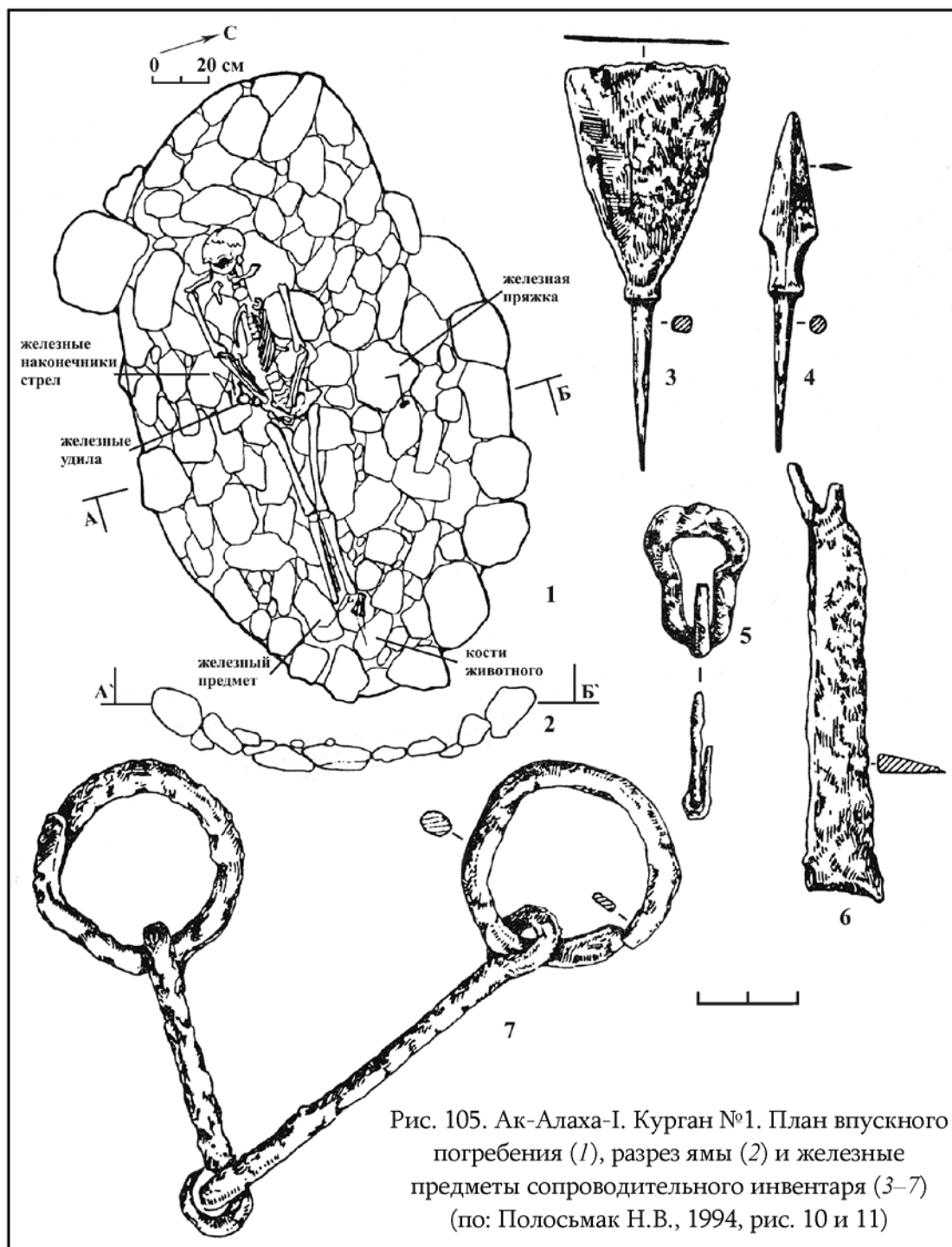

Рис. 105. Ак-Алаха-I. Курган №1. План впускного погребения (1), разрез ямы (2) и железные предметы сопроводительного инвентаря (3-7) (по: Полосьмак Н.В., 1994, рис. 10 и 11)

В монографии Д.В. Позднякова (2006), где опубликованы результаты антропологического изучения данных по эпохе средневековья, указаны использованные материалы из шести археологических памятников Горного Алтая монгольского времени. Среди них

обозначено впускное погребение из представленного выше объекта (Поздняков Д.В., 2006, с. 31). Однако в таблицах с индивидуальными измерениями мужских и женских черепов (Поздняков Д.В., 2006, с. 86–90, табл. VII и VIII) какие-либо сведения о нем отсутствуют. Зато в обоих случаях фигурирует впускное погребение из ближайшего памятника (Ак-Алаха-II) и указано в одном случае на мужчину в возрасте 30–35 лет, а в другом – на женщину в возрасте 45–50 лет. Такая накладка могла возникнуть, по всей видимости, из-за опечатки. Тем не менее необходимо дополнительно прояснить сложившуюся ситуацию, которая приводит к путанице. Этому же требует и указание Д.В. Позднякова (2006, с. 31) на обнаружение впускного погребения монгольского времени на указанном комплексе Ак-Алаха-II. Дело в том, что при публикации кратких сведений о результатах исследований крупного кургана раннескифского времени данный факт не упоминался (Полосьмак Н.В., 1993, с. 21–22). Отсутствуют какие-либо данные о впускной могиле в одиночном кургане Ак-Алаха-II и в монографии, посвященной своду археологических памятников плоскогорья Укок (Молодин В.И. и др., 2004, с. 68–69), хотя в других случаях подобные факты там излагаются. Стоит надеяться, что при полной публикации важного комплекса раннескифского времени будут представлены и интересующие нас материалы развитого средневековья, если действительно они там обнаружены.

БЕРТЕК-20. Этот памятник, как и предыдущий, исследовался в начале 1990-х гг. на территории плоскогорья Укок в Кош-Агачском районе Республики Алтай (Древние культуры..., 1994, с. 16, 25, рис. 4). Он представлял собой одиночный курган, который находился в укромном, непривлекательном месте. Небольшая и почти плоская насыпь располагалась близ вершины в пологой ложбинке, ведущей на склон высокой крутой предгорной террасы р. Ак-Алахи, неподалеку от горного озера. Незадернованная подпрямоугольная наброска над могилой почти примыкала к осыпи камней ложбины, как бы являясь ее продолжением. С трех сторон курган был скрыт склонами террасы. Со стороны устья лога (на восток-юго-восток. – А.Т.) открывался вид на пойму (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994б, с. 152).

Курган №1 зафиксирован в 60 м к западу от памятника Бертек-17 и в 145 м к западу от объекта №4 могильника Бертек-10, у подножия третьего террасовидного уровня левого берега р. Ак-Алаха (Молодин В.И. и др., 2004, с. 132). Зачищенная насыпь размерами 2,85х1,45 м в виде плоской вымостки оказалась сложена из мелкого галечника и имела скругленную подпрямоугольную форму (рис. 106.-1). Она была ориентирована длинной осью по линии Ю–С и покрывала могилу. В яме размерами 2,58х1,45 м и глубиной 0,74 м от уровня материка лежал скелет женщины в возрасте 30–35 лет (определения Д.В. Позднякова (2006, с. 89)).

Умершую положили на дно могилы вытянуто на спине, головой на север–северо-запад (рис. 106.-2–3). Кости предплечья правой руки оказались смещены. Левая рука была немного отведена в сторону и согнута в локте, а ее кисть лежала в районе таза. На дне ямы вокруг скелета находились крупные валуны. На черепе, в области поясничного отдела и на костях ног погребенной сохранились остатки истлевшего войлока. Справа от головы найдены фрагменты берестяного туеска (?). В области шеи обнаружено украшение в виде серебряного (?) медальона с каменной вставкой (рис. 106.-9). Верхнюю часть грудной клетки закрывали остатки изделия из прутьев и кожи (рис. 106.-2, 7–8). На груди погребенной под вышеуказанным изделием зафиксирована войлочная сумочка (рис. 106.-6), в ней находилось китайское бронзовое зеркало (рис. 106.-5), украшенное реалистически выполненной композицией с изображениями реки, дерева, людей и животных (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а, с. 127).

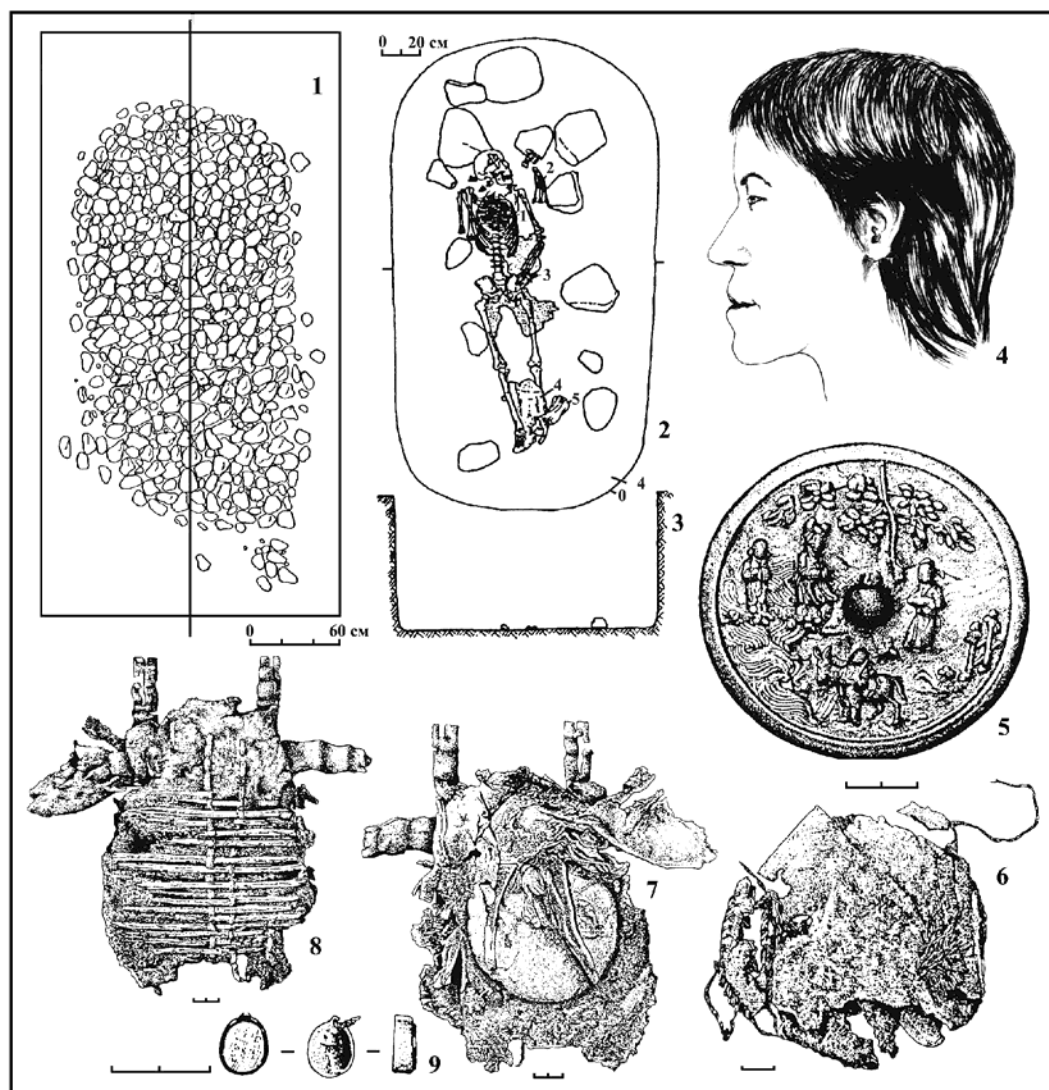

Рис. 106. Бертек-20. Курган №1. Планы каменной насыпи (1), погребения (2) и разреза могильной ямы (3). Графическая реконструкция головы женщины по черепу (4). Находки: бронзовое зеркало (5), войлочный мешочек (6), остатки «нагрудника» (7–8), украшение (9) (по: Древние культуры..., 1994, рис. 120–121, 123–128, 131; Молодин В.И. и др., 2004, рис. 375–378)

Полученный инвентарь и зафиксированные элементы погребального обряда были подробно охарактеризованы авторами публикации. Объект первоначально датирован поздним средневековьем (2-я четверть II тыс. н.э.) и с определенной долей условности связывался «...с одной из южных алтайских групп населения» (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994б, с. 152–155). Позднее курган отнесен к монгольскому времени и датирован XII–XIV вв. (Молодин В.И. и др., 2004, с. 221–223, рис. 380).

Среди обнаруженных вещей особое внимание заслуживает круглое металлическое зеркало (рис. 106.-5). На одной стороне его рельефно выделен бортик и изображена жанровая сцена, сюжет которой взят из «Предания о Лю И» танского автора Ли Чаовэя (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994б, с. 153). Аналогии изделию, которое датируется монгольским временем, можно найти в отечественных и китайских изданиях (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с. 90). Подобные предметы хранятся в Музее археологии и этнографии Южной Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (материалы полностью не введены в научный оборот и только готовятся к изданию).

Авторы публикации интерпретировали обнаруженный на груди погребенной фрагмент изделия из прутьев и кожи (рис. 106.-7-8) в качестве остатков защитного доспеха, напоминающего этнографически известные восточные панцири (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а, с. 127; 1994б, с. 152-153). На наш взгляд, подобная трактовка вступает в противоречие с тем, что он предназначался погребенной женщине. На это обратили внимание и сами исследователи (Молодин В.И., Соловьев А.И., 1994а, с. 127). Подобная практика не была распространена в Монгольской империи, где военные функции выполнялись сугубо мужчинами. Вызывает ряд вопросов и некоторые другие моменты. Был ли надет этот «панцирь» на умершую или просто лежал сверху нее, например, в качестве подношения или другого ритуального предназначения. Если женщина была облачена в доспех, то как в зафиксированной ситуации объяснить местонахождение сумочки с бронзовым зеркалом. Вызывает сомнение и сама конструкция, которая вряд ли могла защитить человека. При обобщении В.В. Горбуновым (2003) предметов вооружения у населения Алтая эпохи средневековья данный объект вообще не рассматривался. Поэтому стоит еще раз обратить внимание на находку из кургана №1 памятника Бертек-20.

В заключение этого микропараграфа стоит отметить еще ряд свидетельств, связанных с

интересующей нас темой. Так, при изучении археологических памятников на плоскогорье Укок отмечено, что в верхних частях каменных набросок курганов пазырыкской культуры «...неоднократно попадались предметы вооружения, обломки металлической посуды, изделия из фарфора, относящиеся к монгольскому времени» (Молодин В.И. и др., 2004, с. 222). К сожалению, данные находки пока не введены в научный оборот.

БИЧИКТУ-БОМ. Материалы погребения, датированного 1-й половиной II тыс. н.э., полностью опубликованы (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994). Опираясь на них, кратко представим результаты проведенных исследований.

Раскопанный объект располагался около с. Бичикту-Бом (рис. 107.-1), которое находится в Онгудайском районе Республики Алтай и более известно по близ лежащим находкам петроглифов.

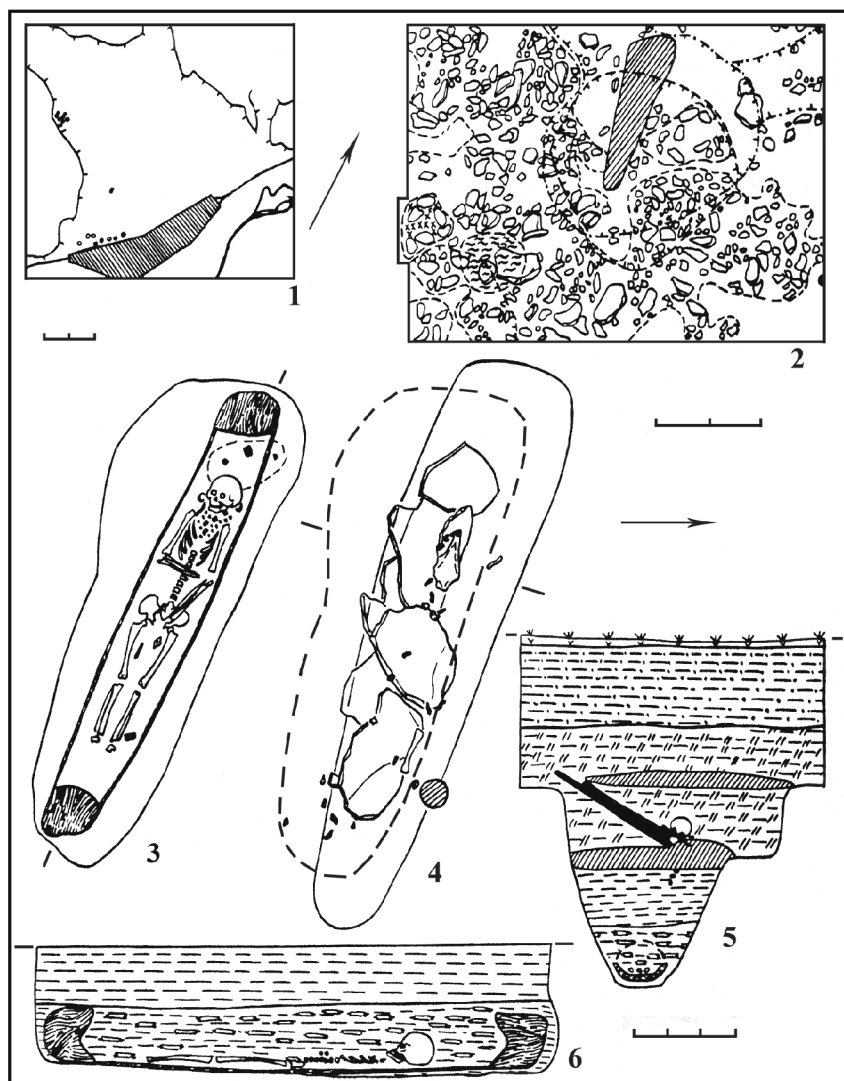

Рис. 107. Бичикту-бом: 1 – схема расположения археологических объектов около села; 2 – план раскопа №3; 3–6 – планы обнаруженного погребения (по: Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, рис. 1)

Ю.С. Худяков, подготовивший публикацию о раскопках в полевом сезоне 1964 г., отметил противоречивость сведений о точном местонахождении средневекового захоронения из-за того, что в рукописях Е.М. Берс утрачены некоторые страницы. Судя по приведенным данным и опубликованным планам (рис. 107), над могилой не было четко выраженной курганной насыпи.

Могила зафиксирована на глубине 0,75 м от поверхности при исследовании раскопа №3, где отмечен культурный слой поселения (рис. 107.-2, 5). Она имела вытянуто-овальную форму, размерами 3х0,75 м, была ориентирована длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Вдоль юго-западной стенки зафиксированы наклонно поставленные массивные каменные плиты (рис. 107.-4). В заполнении могильной ямы обнаружена пряжка-блок овальной формы с двумя отверстиями и пазом для ремня (рис. 110.-2). В северо-западной части могилы был отмечен череп лошади, в центре могилы – копыто и фаланга, в юго-восточной части – берцовая кость (рис. 107.-4). Под нижней челюстью лошади обнаружены обломки железных удил. В яме, вдоль каменных плит, найдены фрагменты от «железных предметов сбруи» (рис. 109), железная пряжка, фрагмент керамики, подвеска из ляпис-лазури в норе грызуна. В северо-восточной стенке ямы зафиксировано пятно от вертикального столба (рис. 107.-4). После разборки заполнения могильной ямы и снятия наклонно стоящих плит обнаружен подбой (рис. 107.-3-4).

На глубине 1,6 м в подбое стояла колода из выдолбленного ствола лиственницы (рис. 107.-3, 6). Концы ее имели следы от обручей, а стенки сильно истлели. Внутри колоды находилось погребение. Умершая женщина 30–40 лет была положена на спину, вытянуто, головой на северо-запад (рис. 107.-3). Правая рука ее оказалась согнута в локте, левая кисть находилась ниже живота, ноги соединены ступнями вместе. В области черепа лежала россыпь мелких бусин из раковин, камня и пасты (см. фото 1 на цветной вклейке). На черепе обнаружена полоса расшитого бисером истлевшего шелка от головного убора (рис. 108).

По обеим сторонам черепа, близ ушных раковин, находились височные кольца из металлического сплава (рис. 110.-3-4; фото 2 на цветной вклейке). В области

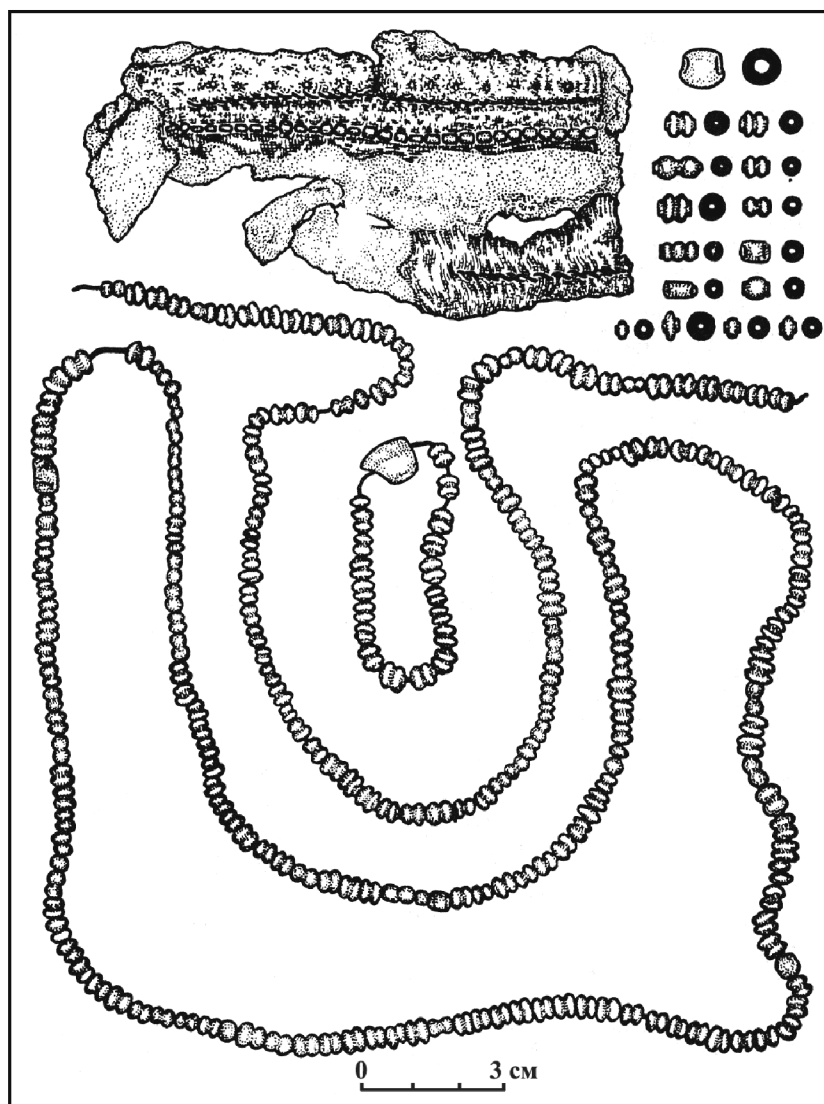

Рис. 108. Бичикту-Бом. Раскоп №3. Погребение.
Украшение (по: Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, рис. 5)

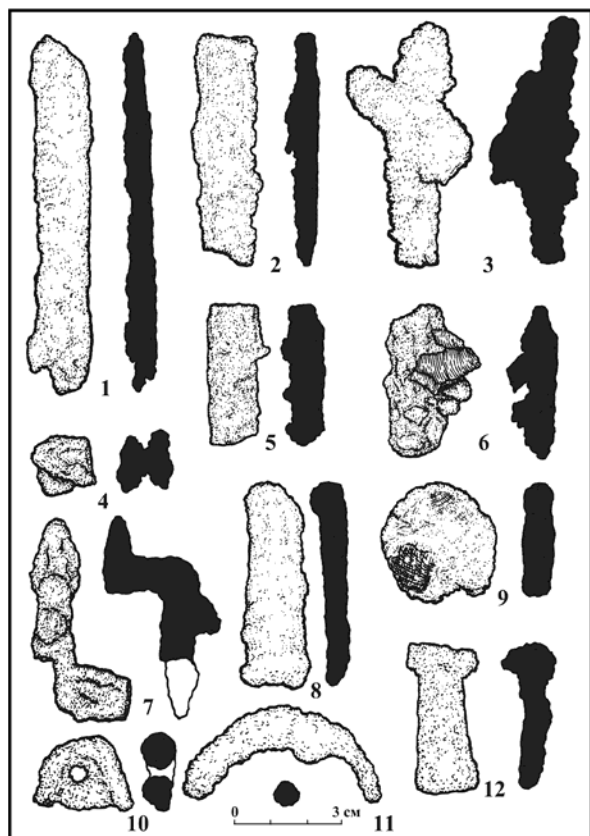

Рис. 109. Бичикту-Бом. Раскоп №3. Погребение. Предметы из железа (по: Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, рис. 2)

шеи и груди зафиксированы подвески из синей ляпис-лазури с геометрическим орнаментом, биконические халцедоновые бусы, подвески из перламутра с резьбой (рис. 110.-5-26; 27-37; 38-48; см. фото 1 и 2 на цветной вклейке).

Между бедренных костей находились сильно корродированный железный нож, сланцевая плитка и истлевший шелковый мешочек. У левой берцовой кости найдена роговая пряжка с приостренным «носиком», двумя отверстиями для ремня и обломанным железным язычком (рис. 110.-1). На дне могилы встречались мелкие фрагменты керамики (Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994).

Зафиксированный погребальный обряд и обнаруженный предметный комплекс свидетельствуют о том, что данный объект никаким образом не может быть связан с тюркскими или кыргызскими традициями, которые прекратили свое существование в связи с захватом Горного Алтая найманами. Это и другие обстоятельства позволяют отнести обнаруженное захоронение к кругу памятников монгольского времени. Более детальное рассмотрение этих материалов позволит дать подробную интерпретацию.

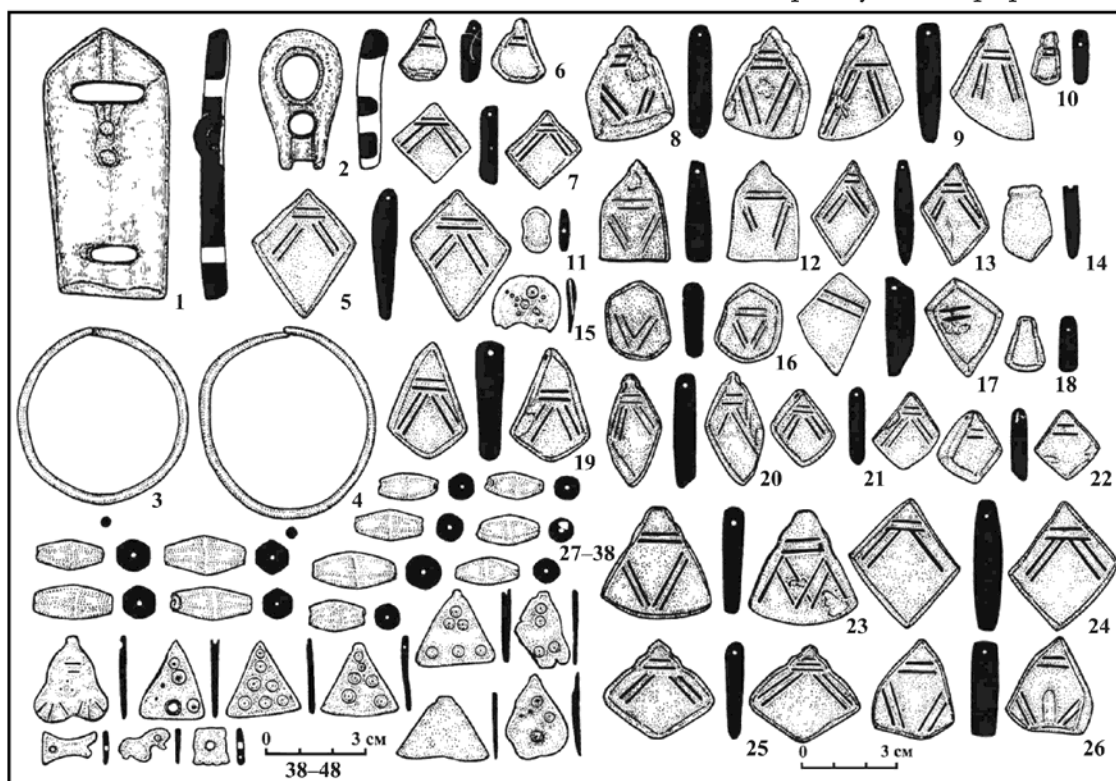

Рис. 110. Бичикту-Бом. Раскоп №3. Находки из погребения (по: Берс Е.М., Худяков Ю.С., 1994, рис. 3-4)

ВЕРХ-ЕЛАНДА-I. Памятник находился у с. Еланда (ныне это Чемальский район Республики Алтай). Он состоял из пяти курганов, которые располагались на крутом склоне горной гряды, в 85–100 м к юго-востоку от его южной окраины поселка. Все зафиксированные объекты раскопаны, а сведения об этом опубликованы (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990). Полученные материалы хранятся в МАЭА АлтГУ (колл. №124) (Горбунов В.В., 2006, с. 123). Два объекта из исследованных курганов относятся к монгольскому времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а; 2005б).

Курган №1. Округлая насыпь (рис. 111.-1) имела размеры 8,85х7,8 м и высоту 0,63 м. Между камнями наброски, которая достигала трех слоев, прослеживалась прослойка, состоявшая из мелкого галечника и супеси сероватого цвета (рис. 111.-2). Около центральной части кургана обнаружена могила прямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная длинными сторонами по линии ЮЗ–СВ. Ее параметры составили 2,4х0,89 м. На дне могилы находился скелет мужчины. Покойник лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток (рис. 111.-3).

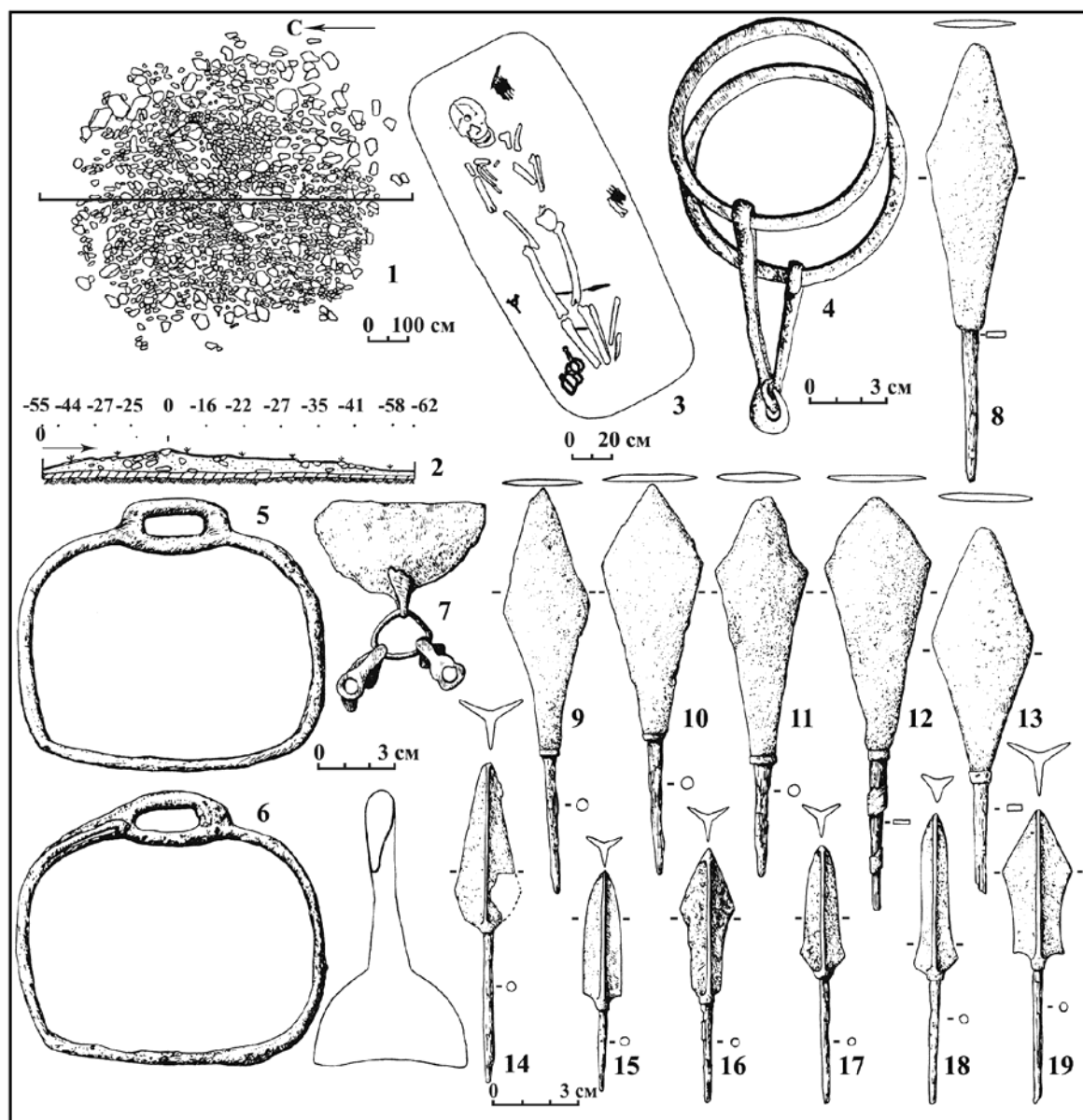

Рис. 111. Верх-Еланда-I. Курган №1: план (1) и разрез насыпи (2), погребение (3) и находки из железа (4–9) (по: Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 2–5)

При расчистке погребения слева от черепа обнаружены шесть железных черешковых трехлопастных наконечников стрел различных типов (рис. 111.-14–19) и один железный од-нолезвийный черешковый нож. Еще три железных черешковых плоских наконечника стрел лежали ниже и были ориентированы остриями в противоположную сторону (рис. 111.-9–11). Расстояние между ними составляло 0,76–0,8 м (рис. 111.-3). В пространстве между этими скоплениями обнаружены кусочки бересты от колчана, в котором стрелы лежали наконечниками вверх и вниз. Еще три железных плоских черешковых наконечника (рис. 111.-8, 12–13) были найдены около костей ног (рис. 117.-3). Неподалеку лежали железные удила (рис. 111.-4) с большими свободно вращающимися кольцами. Рядом с ними оказались два железных стре-мени с отверстием для путлища в пластине на дужке (рис. 111.-5–6). «У северо-западной стен-ки могилы на уровне середины большой бедренной кости был найден железный тройник в виде сегмента, к которому при помощи кольца крепились две обоймочки – распределители ремней» (рис. 111.-7) (Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 228–229).

Курган №5. Все зафиксированные конструктивные признаки каменного сооружения свидетельствуют о том, что данный объект сооружен в раннескифское время и может рас-сматриваться в качестве погребального комплекса бийкенской археологической культуры (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 32; Тишкин А.А., 2007а, с. 283).

В южном секторе курганный насыпи на расстоянии 3,34 м к юго-западу от центра на глубине 0,16 м от поверхности насыпи был найден железный черешковый плоский на-конечник стрелы с асимметрично-ромбической боевой головкой (рис. 112-4) (Кирю-шин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233).

Рис. 112. Верх-Еланда-І. Железные находки из кургана №5 (по: Кирюшин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, рис. 10.-1–3, 7)

В центре кургана находился каменный ящик. С внешней стороны его западной стенки на уровне погребенной поверхности обнаружены лежавшие в беспорядке кости человека, а между ними – два железных черешковых од-нолезвийных ножа (рис. 112.-1–2) и железная пряжка с подвижным язычком (рис. 112.-3). По всей видимости, эти материалы связаны с впускным погребением либо являются отражением ритуальных действий, совершенных в период развитого средневековья.

Представленные выше находки были рассмотрены авторами публикации (Кирю-шин Ю.Ф., Неверов С.В., Степанова Н.Ф., 1990, с. 233, 235–236, 238–241). В результате кур-ган №1 предварительно датирован концом X – XII в., а изделия из пятого объекта отнесены

к VIII–X вв. Дальнейшее изучение предметного комплекса позволило уточнить хронологические рамки и определить их в пределах XII в. (Ефремов С.А., 1998б; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а; Горбунов В.В., 2006). Данное обстоятельство способствовало выделению и обоснованию верх-еландинского этапа культуры монгольского времени (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002а; Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., 2007а), что дополнительно будет продемонстрировано в конце данной главы.

ДЕНИСОВА ПЕЩЕРА. При изучении этого памятника, находящегося в Солонешенском районе Алтайского края (рис. 113.-10), в слое 3 зафиксирован комплекс предметов, большая часть которых оказалась испорчена или сломана (рис. 113), что, по мнению А.П. Деревянко и В.И. Молодина (1994, с. 134–135), свидетельствует о ритуальном характере находок. Материалы опубликованы и датированы монгольским временем (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 99–100, 134). Обнаруженный клад состоял из следующих железных предметов: двух подпружных пружек (рис. 113.-1, 6), части пилы (рис. 113.-2), фрагмента ножа (рис. 113.-3), вилки (рис. 113.-4), тесла (рис. 113.-5), налобника (рис. 113.-7) и обломка котла (рис. 113.-9). К обозначенному периоду отнесены «...глиняное пряслице и крупная каменная пластина из сланца с пришлифованной поверхностью» (рис. 113.-8), а также другие находки и кости животных (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с. 100).

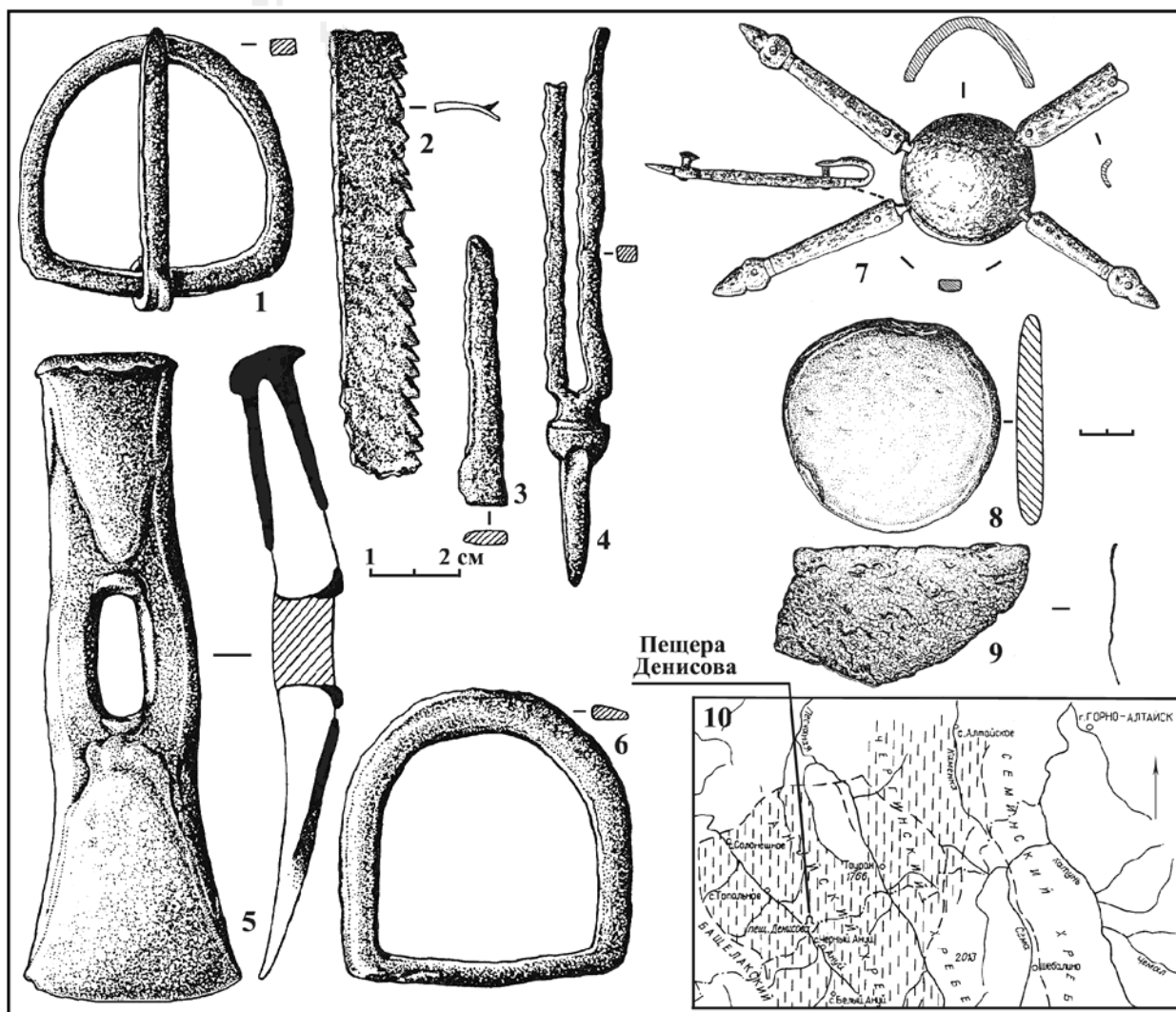

Рис. 113. Денисова пещера. Находки (1–9) и карта-схема расположения памятника (10).

1–7, 9 – железо; 8 – камень (по: Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, рис. 1, 12–13)